Комендант
некромантской
общаги
2
Анна Леденцовская

Анна Леденцовская

Комендант некромантской общаги 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70243402
SelfPub; 2024

Аннотация

Мария Спиридоновна вернулась в магический мир. Правда, вернулась младенцем, и, несмотря на сохраненный разум и мудрость прожитых лет, ей придётся здесь расти, попадая порой в забавные и неловкие ситуации.Тем временем череда зимних праздников сменяется учебными буднями. А пари семейки драконов приводит к поездке на практику в орочьи степи. Там, возле древних развалин, группе студентов и сопровождающим их взрослым предстоит столкнуться с магическими аномалиями, неведомыми зверушками и коварными кознями вредителей… Как-то наши герои смогут справиться со всеми трудностями и испытаниями? Что ждет здесь Марью?

Содержание

Глава 1. Жизнь без сказки. Возвращение 7
Глава 2. Раз комендант, два комендант 16
Глава 3. Попытка прижиться, попытка удрать, или Награда находит героев 26
Глава 4. Детские годы чудесные 36
Глава 6. Семь нянек 56
Глава 7. И снова здравствуйте 66
Глава 8. Находки и потери 76
Глава 9. Странности множатся… 86
Глава 10. Пока одни едят, другие рожают 96
Глава 11. Игра и преступление 105
Глава 12. Новое – это хорошо забытое старое 117
Глава 13. Три, четыре, пять – мы идем искать 129
Конец ознакомительного фрагмента. 142

Анна Леденцовская
Комендант некромантской общаги 2

Пролог

В разгромленном кабинете третьего советника Верховного совета Недроземья на единственном уцелевшем кресле сидела ректор МАСМ Эртониза Д'азфир. Всклокоченный, местами подпаленный демон дрожащими руками наливал себе коньяк из бутылки, стоявшей в сейфе. Жаль, что в сейф нельзя было засунуть всю обстановку кабинета и его самого в придачу. Драконица весьма эмоционально и со вкусом закатила ему такой скандал, какого этот мир, наверное, еще не видел со времен своего сотворения. В кабинете советника два часа бушевала гроза со всеми сопутствующими ей элементами, а шаровые молнии гоняли демона по всему помещению, пытаясь пробить его магическую защиту. К тому же теперь единственный сухой островок в кабинете представляло то самое кресло с сидящим в нем ректором.

Эртониза, видимо выплеснув все эмоции, сидела хмурая и морально опустошенная. Она не представляла, что всё так обернется, и впервые не знала, что делать. Зареванные фейки сообщили, что их бабушки Маши совершенно точно нет в этом мире.

Дверь открылась, и вошла леди Серина. Абрахам с раздражением уставился на жену: ректор только успокоилась, а этой дуре ничего не стоит снова парой слов вывести ту из себя. Второй грозы он не переживет!

– Дорогая, тебе лучше заняться своими делами. Я очень занят.

Но Серина полностью проигнорировала мужа, обратившись к ректору:

– Я знаю, как ее вернуть. Думаю, феи помогут. У меня есть что предложить им в качестве оплаты желания. А тебе, дорогой, – язвительно выделив последнее слово, она повернулась к мужу, – лучше поскорее найти виновного и предъявить его нашим дамам. Подруга Марии Спиридоновны отказалась сотрудничать после ее пропажи и отменила все заказы! Дамы жаждут крови, и если не найдется виноватый, то им станешь ты!

Советник содрогнулся. Дамы лишились нарядов накануне торжества! Он, наплевав на бокал и этикет, отхлебнул прямо из горла бутылки.

Ректор заинтересованно выгнула бровь. Абрахам в немом изумлении разглядывал женщину, с которой прожил не одно столетие. Он совсем не знал свою жену! Взяв себя в руки, он нашел в себе силы вежливо откланяться и, выйдя, объявил по замку общий сбор. Виновный должен быть найден очень быстро!

В личной гостиной леди Серины чинно и благородно пи-

ли чай три высокородные дамы. Мужчин в это общество не пригласили.

Представительница Зачарованной поляны внимательно выслушала просьбу леди. На обмен предлагался состав того самого, доработанного, зелья молодости. Ведь всему миру известно, что феи, становясь размером с нормальных существ среднего роста, смотрятся сухонькими морщинистыми старушками с крыльями. Зелье омоложения их всегда интересовало, но побочный эффект со снижением интеллекта никого не устраивал. Сейчас же им предлагали решение многовековой фейской проблемы. Какой же женщине понравится всё время превращаться из цветущей крошечной красотки-феи в сморщенную старушку?

– Мы принимаем ваше предложение. Она вернется, тем более ее место здесь. Она приняла в свой род наших детей, которые не могут больше принадлежать Зачарованной поляне. Всё будет не так просто, и вам всем придется помочь ей здесь, а нам, чтобы всё сложилось, – подтолкнуть ее там. – Фея, улыбнувшись, рассыпалась на множество радужных искр, которые собрались в сферу. Сфера, вращаясь, исчезла с негромким хлопком.

Глава 1. Жизнь без сказки. Возвращение

Мария Спиридоновна шла на очередную встречу литературного кружка. С тех пор как она очнулась в больнице, одиночество, раньше ее не беспокоившее, стало сильно на нее давить. Бродя по интернету, она наткнулась на сообщество начинающих авторов. Люди выкладывали в сеть свои стихи, рассказы, кто-то писал сказки, а один пасечник разместил несколько занятных статей о своих наблюдениях за пчелами. Сообщество было очень доброжелательным, и Марья сначала читала «в кустиках», потом начала вставлять свои комментарии, а затем и сама взялась за перо. Писала она, конечно, про своих некромантов, новый мир и магию. Часто плача и тоскуя мыслями о том, что всё это, как она думала, с ней не случилось.

Среди постоянных читателей оказалась милая дама из их городка, учительница литературы в соседней школе. Подивившись и обрадовавшись такому совпадению, женщины решили встретиться. Алевтина Ивановна писала стихи, но любила все жанры литературного творчества.

Так наша Мария Спиридоновна и оказалась в кружке. Кружок был маленький. Пара старших школьниц, пробующих себя в поэзии и написании статей, бывшая журналист-

ка, пишущая дамский любовный роман, пожилой трудовик из той же школы с исторической книгой на тему «Развитие и упадок промышленности в связи с историческими событиями» и две наши дамы. Встречались они на квартире учительницы. Уютная гостиная, стол с кружевной скатертью, свежезаваренный чай и традиционные пироги. Лампа под зеленым абажуром, стихи и отрывки из написанного. В такие вечера одиночество выпускало сердце Марьи из своих когтей, и тоска не так давила.

Сегодня Алевтина Ивановна обещала что-то интересное и необычное.

Тихая и спокойная атмосфера, обычно царившая на литературных встречах, в этот раз была нарушена. Крупная черноволосая дама с цыганистой внешностью и обилием украшений, казалось, заполнила собой всё пространство. Удивленная Марья заметила вжавшегося в кресло трудовика, обычно бодрого и любящего порассуждать о преимуществе исторических книг перед остальной «писаниной», восхищенные глаза школьниц и азартное ожидание чуда у остальных дам. Первые мысли, которые, конечно, пришли в голову, были: «Шарлатанка. Загипнотизировала девочек, запугала единственного мужчину и сейчас отберет у них всё честно нажитое».

Марья сурово сдвинула брови и прошла в комнату, приготовившись к бою.

Мадам, до этого что-то говорящая восторженным слуша-

тельницам, замолчала. Она с минуту разглядывала нашу Марью и вдруг выдала совершенно неожиданную для всех фразу:

– Вам здесь не место! Здесь вы давно мертвы. Уходите туда, где вам надо быть.

Наступившую тишину, казалось, можно было разрезать ножом. Марья подавилась заготовленным приветствием. Трудовик сжался еще больше, а хозяйка квартиры залепетала, извиняясь:

– Машенька, это Илориана Францевна. Она медиум, экстрасенс и автор двух книг по магическим практикам. Очень интересно пишет и вообще прекрасный человек, только из-за другого видения на всё несколько эксцентрична в своих высказываниях. Ты не обижайся, проходи.

Экстрасенсиха встала во весь свой немаленький рост и, проигнорировав хозяйку, продолжила бить по больному:

– Внуков бросила, статейки пишет. Дома надо быть давно! Никакой ответственности!

– Но у Машеньки нет внуков, – всё еще пытаясь исправить ситуацию, опять попробовала вмешаться хозяйка квартиры.

Мадам вдруг с удивительной для своей немалой комплекции прытью подскочила к стоящей в ступоре Марье и больно схватила ее за руки.

– Не вернешься к внукам – умрешь, и они умрут! – Черные глаза, казалось, смотрели прямо в душу. – Сама дома перепутала, твой не здесь. Уходи, еще есть время и силы, еще

сможешь. Желай и уходи! Пишешь, не выдумывая, правду пишешь. Про семью. Уходи! Тебе здесь не место!

Душу Марьи выворачивало наизнанку, слезы душили, слова жуткой женщины словно выжигали мозг. Кисти почти онемели, сдавленные сильными пальцами с когтистым алым маникюром.

Уже не думая о других, она вырвала руки из захвата и со слезами выскочила из квартиры, ставшей ей единственной отдушиной в этом мире.

В квартире мигнул свет; за столом, наслаждаясь чаем, собравшиеся увлеченно разговаривали о литературе. В полумраке прихожей крупная женская фигура растроилась на тоненькие силуэты, которые, уменьшившись, исчезли совсем.

Марья ревела, ревела с перепугу. Паника ее захлестывала и накатывала волнами. Слова жуткой дамы прочно поселились в мозгу, не давая выкинуть их из головы. Как была, в зимнем пуховике и шапке, она кинулась к умывальнику. Зеркало над раковиной отобразило красное зареванное лицо. Руки жутко болели. Она сунула ладони под теплую воду. Пытаясь умыться, зачерпнула воды, но тут же поспешно выплеснула ее обратно. Голова закружилась, и Марья осела прямо на пол, привалившись к кафелю стены. Сквозь слезы она неверящими глазами разглядывала на ладонях тонкие, едва заметные линии серебристого рисунка в виде крылышек.

Мысли в голове из путаницы стали складываться в логиче-

скую цепочку. Та женщина сказала, что она перепутала дом! Сказала, надо желать и уходить, она должна идти к внукам. Сказала, они умрут без нее.

По коридору общежития к выходу мчалась полная пожилая дама с зареванным лицом, в расстегнутом пуховике и сбившейся набок вязаной шапке. Выскочив на крыльцо и не обращая внимания на редких прохожих, она подняла лицо к небу и с надрывом закричала:

– Мой дом не здесь! Я хочу домой! Домой!

Шаг вперед, потеря равновесия – и запутавшаяся Марья полетела в сугроб.

Лежа в ворохе одежды, она осознала, что снова стала крошечным младенцем.

«Главное, я снова дома! Меня найдут и мне помогут», – это была последняя ускользающая мысль, перед тем как маленькая девочка сладко засопела в гигантском пуховике.

В это же время в управлении прозвучал сигнал о перемещении. Команда из охотника и мага-ликвидатора отправилась на место. Прибыв в парк и выпустив ферет, они быстро обнаружили место разрыва пространства, магофон еще был нестабилен. В снегу рядом с лавочкой у дорожки валялась какая-то кучка одежды.

– Похоже, зачем-то сняли одежду и ушли.

– Нет. С-с-следов нет, и ферет с-с-смотри, как крутится. Там что-то ес-с-сть, – и змеелюд-охотник наклонился над горкой тряпок.

– С-с-смотри, там ребенок. Девочка, с-с-совсем маленькая, с-с-спит.

– Ферет, похоже, сломался, смотри – выдает то одну магию, то другую, то вообще без магии.

– Хватит болтать, надо унес-с-сти малыш-ш-шку. Такие маленькие не перемещает бес-с-с вс-с-срос-с-слого, отнес-с-сем и будем ис-с-скать дальш-ш-ше.

Майрей Сверуч взял сверток из пуховика и закутал поплотнее, Гар'с э'Цсош внимательно огляделся и, свистнув, призвал и убрал ферет. Эта была та же парочка, что нашла Марию Спиридоновну в первый раз.

Марью разбудили разговоры. Она поняла, что ее куда-то несут, и заворочалась, пытаясь привлечь внимание спасителей. Сверток, в котором она находилась, слегка размотали, и на Марью озабоченно уставились два смутно знакомых лица.

– Тихо, маленькая, сейчас мы тебя в управление доставим и твою маму поищем.

– Как мош-ш-шно так бес-с-сответс-с-ственно кинуть ребенка в с-с-сугроб и уйти? С-с-савернула в одеш-ш-шду и с-с-сбежала.

– Может, это не мать? Может, кто-то украл малышку, а потом переместился к нам в мир? Потом ребенок стал не нужен, и его бросили.

– Верс-с-сия вполне рабочая! Надо ис-с-скать вс-с-сех перемес-с-стившихс-с-ся с-с-сегодня.

– Симпатичная крошка, и смотри, какая спокойная, толь-

ко очень серьезная. Смотрит так внимательно, как будто слушает разговор.

– С-с-странно, мне каш-ш-шетс-с-ся, дейс-с-ствительно с-с-слушает и понимает. И ферет рядом с-с-с ней выдавал с-с-соверш-ш-шенно непонятные с-с-сигналы. Я прос-с-сканирую?

– Ты же знаешь, что с детьми это запрещено! Это может навредить!

И парочка снова уставилась на Марью. Та готова была взвыть с досады. Ей нужны были способности змеелюда, надо было попасть в академию. Она изо всех сил потянулась к ликвидатору, загулила и закрутила головой.

– А ес-с-сли она не ребенок? Тогда правила не рас-с-спрос-с-страняютс-с-ся на нее. С-с-смотри, она кивает и маш-ш-шет.

– Дети всегда так шевелятся. Пошли скорее. Сдадим эту находку, пока не вопит или, того хуже, не наделала «делов». Отправят в приют, а там, глядишь, попадет в хорошую семью.

– Погоди. Ты нас-с-с понимаеш-ш-шь? Кивни.

Марья усиленно закивала.

– Ты не ребенок?

Она закивала опять.

– Да чего ты спрашиваешь? Смотри. Ты ребенок?

Марья замотала головой.

– Странно. Но всё равно мне кажется, что малышка про-

сто возится. А ферет надо будет заменить на складе.

– Ес-с-сли она кивнет на вопрос-с-с с-с-сейчас-с-с, я кос-с-снусь краеш-ш-шка ее мыс-с-слей. Думай о том, что ваш-ш-шно, и я ус-с-слыш-ш-шу! Поняла? Мне мош-ш-шно тебя с-с-сканировать?

Марья усиленно закивала и стала сосредоточенно думать: «В МАСМ к ректору! Меня там ждут! Я Марья!»

Долго думать она не смогла, младенческий мозг опять не справился с нагрузкой.

Змеелюд удивленно зашипел и посмотрел на напарника.

– С-с-скас-с-сала, что Марья. Что надо с-с-срочно к ректору МАСМ. Думаеш-ш-шь, та с-с-самая?

– Ну, совпадение странное. Сейчас наберу госпожу Д'азфир, пусть решает, к ней или в управление.

Разговор с ректором был коротким. Услышав слова «младенец», «Марья», «как взрослая», «нашли в парке», ректор сразу открыла портал перехода в академию.

Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, что испытывала в тот момент Эртониза, держа на руках завернутую в пуховик крошечную человеческую девочку.

Она поблагодарила ликвидаторов за оперативность и, выпроводив их, направилась к целителям, ей нужен был профессор Бяо.

В целительской рядом с лечебной сферой изолятора стоял Бяо. В сфере, кружась в водовороте пепельных искр, медленно вращались две бессознательные фейки. Раньше их бы-

ло не видно из-за плотности водоворота, а теперь искр становилось всё меньше, так что вращение было совсем медленным. Фейки угасали без привязки. Для всех фей этого мира привязкой была Зачарованная поляна и королева. Для Ниле сначала привязкой стал договор с академией, а потом бабушка Маша как глава семьи; для Эма таковой сразу стала бабушка. Не пострадал из всего семейства только Тимон, он и не дал феям сразу раствориться в материальном слое мироздания после пропажи Марии Спиридоновны. Все-таки капля крови бабули и спонтанное принятие его в семью были удачным решением. Но феи медленно угасали, и фрогон печально смотрел на остатки исчезающего волшебства.

Вошедшая ректор протянула целителю сверток из одежды.

– Это Мария Спиридоновна, надо разобраться, что с ней и как вернуть нашего коменданта некромантского общежития в рабочее состояние.

Удивленный фрогон закачал косичкой на макушке, разглядывая кроху.

В целительской сфере водоворот серых искр уплотнился и начал набирать обороты.

Глава 2. Раз комендант, два комендант

У декана некромантов каникулы явно не задались. Только он расслабился с отъездом студентов после напряженной сессии, как узнал, что общежитие опять лишилось коменданта. Злющая ректор влетела драконом в созданный портал к демонам, а Тимон приволок на руках полуобморочных феек. Теперь фейки были у целителей, а декан сидел с профессорами и пытался решить проблему наличия коменданта к прибытию студентов. Он, конечно, надеялся, что Мария Спиридоновна найдется, но на всякий случай надо было предусмотреть еще варианты.

– Значит, у нас опять нет коменданта, – резюмировал Кронов. – Пусть и временно, но нет.

– Что значит нет? – раздался от двери знакомый хриплый голос. – Я на своем месте и не собираюсь его покидать!

Профессора вытаращились на полупрозрачную фигуру покойного патологоанатома, просочившуюся через стенку кабинета. Рорх прищурился с исследовательским интересом, а Кронов радостно сообщил, что знает, как это называется:

– Это призрак, или привидение. Я в тех земных книгах читал. Только откуда оно взялось? У нас в мире призраков никогда не было.

– Сам ты оно клыкастое! – обиделся покойный бывший комендант и по совместительству бывший же земной патологоанатом. – Это вы у своих юных дарований спросите. Помню, пил с вами, потом темнота, потом кладбище, знакомая страшная рожа и две незнакомые, вопили про бабулю какую-то. Я что, на бабулю похож? Потом вроде сообразили, что что-то не так. Плюнули и ушли. Мелкий самый, на тебя чем-то, Рорх, смахивает, только с крылышками, еще двоим втирал о том, что они неучи. Неужто ты сыночка себе слепил, старый? Вот пришел теперь работать, всё равно больше нечего делать.

Поздним вечером предыдущего дня теплая компания из двух не уехавших домой студентов и одного проживающего в общежитии мелкого скелетика с неопределенным статусом решила, что неплохо бы отметить каникулы. Как водится, специфика «отметить» в мужской компании обычно означает выпить. А если при этом один из компании – тролль, то выпить много и закусить еще больше.

К тому же у Винни причин «усугубить» было намного больше. Кучерявая любительница митингов и лозунгов так и продолжала отвергать пламенные чувства несчастного тролля. Надежды на объявление в газете не оправдались ввиду его отсутствия. Перед праздниками газета пестрела коммерческими предложениями и статьями о мероприятиях. Втиснуть туда еще что-то было нереально. Лизавета клятвенно заверила, что после торжеств точно будет. Но праздники еще

не наступили, зазноба уехала в горы, а тролль страдал и маялся скукой. Ехать домой он не захотел, надеялся, что тут будет интереснее. Пока что из интересного был пятилитровый бочонок, приятно побулькивающий содержимым.

Фшену Шатосу домой было нельзя, старый шаман ясно дал понять, что там ему не рады. Впрочем, пустошник домой и не рвался, там его никто не ждал. Они с Тимоном сидели у себя, когда в комнату, постучав, вломился Винни с бочонком и предложением отметить. Тимон хоть и не мог пить, но радостно дал согласие за них обоих. Хитрый план скелетика выяснился, когда в бочонке почти показалось дно.

Тимон стал выяснять у Винни, есть ли у троллей шаманы. Как выяснилось, у троллей шаманы были, и, по мнению Винни, были они – о-го-го! Всем шаманам шаманы. На что Фшен, конечно, возмутился. Ведь турниров среди шаманов никогда не существовало, поэтому говорить, что тролльи шаманы лучше, неправильно. В общем, дискуссия на эту тему продолжалась полночи, пока Тимон не решился на откровенную провокацию:

– Вот ты, Винни, откуда всё про шаманов знаешь?

– У меня прадед шаман.

– А он тебя чему-нибудь учил?

– Ну не то чтобы учил, но некродар у меня из-за него вылез. До этого думали, что я обычный тролль, и радовались.

– Раз вы оба почти ученики шамана, то выясним, кто круче. Пошли на кладбище духа вызывать! Рорха там сейчас нет,

он в общежитии живет.

– А что мы с ним делать будем, если вызовем?

– Так узнаем про бабулю. Профессора и ректор ничего не говорят, и фейки у целителей, а так, может, узнаем чего. Сам духом был, духи могут узнать. Или хотя бы выясним, что произошло и кто виноват. А лучше – куда она все-таки делась.

Не совсем трезвым приятелям это показалось прекрасной и логичной мыслью! Слегка пошатываясь, подгоняемые Тимоном, они потопали в сторону кладбища.

По дороге выяснилось, что для ритуала пустошнику нужен огонь. Костер, очаг или свечка, на худой конец, а тролль вдруг вспомнил, что без специального барабана просто никак.

– Там важен ритм! И звучать должно четко и звонко, – водил он пальцем-сосиской перед носом раздосадованного задержкой Тимона.

Пока приятели выясняли преимущества метода медитации на огонь перед ритмичным танцем и наоборот, Тимон умчался в ночь. Примчался он обратно быстро, справедливо полагая, что план может сорваться. Приятели и правда уже забыли, зачем вышли на улицу, и обсуждали, не пойти ли им за добавкой и прочими мужскими развлечениями.

Тимон быстро напомнил им про цель их миссии, бабулю. И с лозунгом «Вернем бабулю!» они продолжили свой зигзагообразный путь в обнимку.

Придя на кладбище, троица заспорила из-за места вызова духа. Винни считал, что большая клумба коллекционных черных петуний Рорха определенно создаст отличный антураж для шаманского танца. И на ней не было снега: лич берег свои цветы, чтобы любоваться ими и зимой. Приступ эстетизма тролля остановили напоминанием о грозном профессоре. Хоть лича Винни не особо опасался, но понимал, что сессии сдавать еще придется и злить Рорха не стоит. Впрочем, это не помешало ему бурчать под нос:

– Да я для бабули… Да что мне Рорх… Я ж как лучше, а они струсили… Дух бы на такую красоту точно пришел… пахнет тоже опять же вкусно… танцевать по травке босиком мягко… а они в снег, но я и в снег за бабулю…

Бурчание его было приятелями проигнорировано.

Фшен с Тимоном решили, что подойдет оставленный для тренировок кусочек необлагороженного кладбища. Зайдя за заснеженную шпалеру, они выбрали крайнюю могилку. Выбор пустошника пал на нее из-за довольно ровной и относительно чистой могильной плиты. Тимону же приглянулось небольшое квадратное надгробие, на которое он, взлетев, уселся.

Пока пустошник и Тимон устраивались на могилке, Винни снял ботинки и зачем-то комбинезон. К тому же оказалось, что, пока парочка выбирала могилу, он потихоньку отстал и все-таки оборвал клумбу. Теперь почти голый тролль, старательно повтыкав петунии куда только мог, плел веночек

и требовал от Тимона обещанный барабан. Тимон, ошалевший от смеси алкогольного амбре, исходившего от тролля, и запаха петуний, выдал когтями и косточками пальцев весьма бравурный ритм.

– Это круче, чем барабан! – заявил он. – Антуражнее. Ритм на могильном памятнике духи оценят!

Тролль, который как раз запутался пальцами в переплетении стеблей, одобрительно пробурчал и продолжил терзать цветочки. Пустошник тоже не особо терял время. Не обращая ни на кого внимания, он пару раз обмахнул рукой от снега могильную плиту и шлепнулся на нее в позу лотоса. Сняв капюшон – маска давно висела на шнурке под подбородком, – он закатал рукава и расстегнул комбинезон на груди. Скорпионы зашевелились, стали объемными и начали сползать на могильную плиту, образуя круг вокруг хозяина.

– Тимон, где огонь?

Скелетик вытащил из-за пазухи толстенькую свечу в виде сердечка и с ягодным ароматом. Фшен шокированно рассматривал свой предполагаемый источник огня для медитации. Где-то далеко в пустоши старый шаман, наверное, корчился бы в своем шатре от смеха, если бы это видел.

Винни принюхался, потыкал пальцем в свечной бок и заявил:

– Нормально, может, женский дух придет. Женщины, они любят красивое и вкусно пахнущее, даже духи. И знают они больше, потому что любопытные и всё время шушукаются.

– Да не делятся духи по половому признаку! – Тимон возмущенно замахал крыльями и слегка завис над надгробьем.

– Но ты-то дух – и мужик! Или нет? – Тролль был снова озадачен. Кривой венок сползал по лысине на глаза и закрывал обзор. Винни было очень важно услышать, что пили они в мужской компании, непонятности всякие его очень напрягали.

– Да мужик, мужик! Но пока дух не призван – это просто оно.

– Ну так мы же призовем! И бац – а там симпатичная дама! А у нас уже цветы и свечи, значит, рады и подготовились! Вот она для нас и постарается, всё узнает и расскажет.

Пустошник и Тимон переглянулись и вынуждены были признать, что логика тролля имеет место быть.

Пустошник слегка покачивался на плите и смотрел на огонь свечи, круг из скорпионов медленно вращался вокруг него. Тимон, сидя на надгробии и балансируя крыльями, когтями выстукивал четкий ровный ритм. Тролль, напоминающий ожившую оборванную дикую клумбу, вдохновенно притопывал и кружился вокруг могилки. Они абсолютно не чувствовали холода, а пар, вылетавший изо рта при выдохе, был сильно насыщен алкоголем. Скоро цветы на тролле покрылись инеем: если на любимой клумбе лича их накрывал особый полог от снега и мороза, то тролль такими защитными свойствами не обладал. Панцири скорпионов тоже покрылись изморозью, и теперь их движение сопровождалось шур-

шанием и постукиванием, вторившим ритму Тимона. От алкогольного пара изо ртов могилку стал заволакивать легкий туман.

Появившуюся полупрозрачную фигуру первым заметил тролль. Он сбился с ритма танца, постоял, покачиваясь и пытаясь рассмотреть, что это, потом спросил:

– Это, э-э-э… где бабуля? Куда делась? Бабуля где, отвечай!

Призрак подплыл поближе к троллю, и хриплый голос заявил:

– Студент, вы почему в таком виде? Пьяный на кладбище! И как вы меня сюда притащили? Я-то не с вами… ну, сидел точно не с вами.

Тролль учился не первый год, и синеватая, хоть и просвечивающая личность была ему знакома. Покойный бывший комендант не был похож на духа, и вообще непонятно, кем он был сейчас. Винни это страшно не понравилось: духа нет, бабуля неизвестно где, а этот уже не комендант и даже совсем покойник вдруг вздумал его отчитывать.

Что может сделать нетрезвый раздосадованный тролль в ответ на неуместный выговор? Правильно! Пудовый кулак свистнул в воздухе и прошел сквозь нематериальную фигуру бывшего коменданта, впрочем, как и весь тролль. Туша Винни, падая, сбила пустошника и вывела его из транса. Тимон перестал отбивать ритм и, оставив надгробие, подлетел поближе к полупрозрачной фигуре.

– Это не дама! – облетев призрак бывшего коменданта по кругу, констатировал он.

– Да вы че, совсем оборзели, школяры, – вызверился призрак. – То бабка, то дама. Я мужик и, между прочим, ваш комендант! Вы же некроманты? Некроманты!

Пустошник, легко вскочив на ноги после тролльего тарана, тут же обозлился после таких слов.

– Ты охренел, мрыглов хмур! Ты себя видел вообще?! Синька прозрачная! Какой ты мужик?! Кусок плотного тумана в гуманоидной форме. Комендант у нас нормальный, бабушка Маша, а ты вали отсюда. Испортил нам ритуал, и еще права качает!

– Какая Маша?! Вот я счас профессоров найду, алкоголики малолетние, и посмотрим, кто здесь комендант! Заколебетесь полы по всей общаге мыть!

– Точно чудик какой-то, – почесал макушку Тимон. – Дядя, у нас студенты полов не моют. Может, ты вообще не отсюда?

– Да это бывший комендант, помер он в конце лета, – подал голос тролль. – Парни, пошли отсюда. Че-то я мерзну, и спать охота. Про бабулю этот ничего не знает, а духи чето не пришли.

Уже не обращая внимания на впавшего в ступор от осознания своей смерти бывшего коменданта, приятели кое-как застегнули и натянули одежду. Парочка недошаманов плелась на выход с кладбища. За ними летел скелетик и читал

им нотации «о полной бездарности их тупых натур к тонкой науке вызова духов».

Призрак посмотрел на могилку. На плите осталась полусгоревшая розовая свеча в форме сердца, а на надгробии в ее неярком пламени можно было прочесть слова: «Петр Егорович Беспалов».

«С должности меня не увольняли! Что значит “другой комендант”? Я вот он!» – с такими мыслями призрак направился отстаивать свои права.

Как раз в это время на Земле, где прошло уже больше двух месяцев, Мария Спиридоновна собиралась на встречу литературного кружка.

Глава 3. Попытка прижиться, попытка удрать, или Награда находит героев

Как работать, когда ты призрак? Оказалось, что вопрос совсем не актуален.

Призрачный бывший комендант сначала был рад, что декану нужно его присутствие на рабочем месте. Потом настроение подпортило осознание факта, что все ждут возвращения неизвестной бабушки и его воспринимают как временную замену. Опять же студенты, которые его и так не особо жаловали, были его присутствием на месте коменданта крайне недовольны. Хорошо хоть, основная масса разъехалась на каникулы по домам.

Добил его разговор с завхозом. Как известно, коменданту положено жилье, форма и зарплата. На справедливое требование старый гоблин покрутил пальцем у виска и веско спросил:

– На хрена?

– Так ведь положено! Саврасыч, раз положено, то должен обеспечить.

– Объяснишь зачем – обеспечу, – хмыкнул завхоз. – Вот форма тебе зачем?

Шнырь, подцепив с конторки рубаху, накинул ее на при-

видение. Рубаха, как положено, упала на пол.

– Ну ладно, – согласился с этим пунктом Беспалов. – А жилье? В моем бывшем Рорх обитает, склепа ему, что ли, мало, недокащею жадному.

– А жилье тебе зачем? Есть? Спать? Может, вещи хранить? – гоблин заржал над собственной шуткой и помахал поднятой с пола рубашкой.

– Но зарплата-то положена! Иначе это не работа, а какая-то эксплуатация!

– Ага-ага. И тратить ты ее планируешь на выпивку? Ну давай выпьем. – Завхоз достал графинчик с настойкой и, налив в стакан, подвинул в сторону оппонента.

Петр Егорович, наученный провальным опытом с одеждой, подошел к делу творчески. Он сунул в стакан призрачный палец, поболтал там и попытался облизать. Шнырь, с интересом следивший за этими манипуляциями, просто сполз от хохота под стол, а на лице призрака отразилось глубокое разочарование вперемешку с отчаянием.

Теперь самый актуальный вопрос звучал так же, как ответ гоблина.

– На хрена? На хрена мне работа и вообще всё это?

Молча развернувшись, весьма недовольное вскрывшимися обстоятельствами привидение полетело искать компанию «малолетних алкашей».

В замке советника после атаки дракона усиленно искали гада, испортившего дамам не начавшийся праздник, а совет-

нику репутацию. Как же, пригласил дорогую гостью и не уберег в собственном замке.

Был объявлен тотальный сбор всей прислуги и охраны замка. Магическая клятва сразу выявляла всех причастных или свидетелей. После долгих разбирательств и отсеивания ненужных личностей выяснили и отсутствие красного мохнатика на объявленном сборе, и его странное поведение в день исчезновения Марьи, и его причастность к бельевой корзине, в которой нашли уменьшенные артефакты академии. А если учесть, что он имел свободный допуск к кухне и умение быть незаметным…

– Найти черта! – Злющий демон отправил на отлов предполагаемого преступника отряд охраны. Надо заметить, что в охрану не набирали особо интеллектуальных особей. Им главное было четко исполнять приказы и иметь внушительную внешность вкупе с физической силой. Капитан стражи, руководящий поиском и захватом, был на порядок умнее – он умел читать!

У чертика, почуявшего опасность, было не так много времени. После объявления о сборе прислуги он сообразил, что дело плохо. Мечась по замку в поисках норки, куда бы можно было забиться, он, просочившись в какую-то незапертую дверь, вдруг понял, что попал в кабинет того самого алхимика-экспериментатора.

Радостно потерев вспотевшие от волнения мохнатые ладошки, он решил, что удача наконец-то на его стороне. Он

отыщет здесь что-нибудь, что позволит ему избежать незаслуженной кары и, может, даже наконец-то проявит его величие всей этой массе посредственностей.

Не имея ни малейшего понятия о том, что все зелья, в большом количестве стоящие в незакрытых шкафчиках, достаточно безобидны, он с азартом кинулся читать этикетки. Ничего интересного не попадалось. За запертой им дверью – ключ просто торчал в замке изнутри – раздался тяжелый топот множества ног.

Найти чертика не составило труда: домовые точно знали, где и кто ходит в замке, даже невидимкой. Вот что делает, сказать не могли.

Стража начала ломать довольно толстую дверь, а отчаявшийся мохнатый черт дрожащими от страха лапами схватил очередную бутылочку. Лапы тряслись, и прочитать этикетку было сложно. Он с трудом разбирал слова: «Одна нога там…» Дверь, поддаваясь, затрещала и, выгнувшись, начала падать. С круглыми от страха глазами он выдернул пробку и, зажмурившись, выпил неизвестное зелье. Раздался хлопок, и чертик исчез как раз в тот момент, когда дверь рухнула. Вбежавшая стража увидела только валявшийся на полу флакончик с несколькими каплями на дне. Капитан старательно и по слогам прочитал этикетку. «Од-на но-га там…» – конец надписи был смазан вспотевшими ладошками бывшего шпиона.

– Всем искать ногу! – Капитан, в силу небольшого ума,

решил, что чертенок стал ногой и находится где-то там, в замке. Подчиненные разбежались по всей территории, и в итоге к концу операции лорду советнику прямо под ноги на ковер высыпали множество ног и ножек: свиных, телячьих, гусиных, от столов и стульев…

А гордый выполненным приказом капитан, предъявив пузырек от зелья, отрапортовал, что преступник пойман.

– Он где-то тут, маскируется в ногах!

«Рукалицо» в исполнении Абрахама было очень эмоциональным.

Три пошаманивших приятеля стояли на кладбище, вытянувшись в струнку.

Перед ними медленно и внушительно расхаживал лич, периодически бросая взгляд на помятую и местами оборванную клумбу.

Тимон, конечно, мог отмазаться от этого «счастья», все-таки он не являлся студентом академии, но бросить друзей считал плохой идеей. Во-первых, не по-мужски, во-вторых, он считал, что отмазаться самостоятельно ни тролль, ни пустошник нормально не смогут.

На скелетика с крылышками Рорх смотрел с особым раздражением, из всей троицы на генератора идеи «напортачь на кладбище» он был самой подходящей кандидатурой. Намек же призрака на их предполагаемое родство вызывал в личе просто бурю разных эмоций. С одной стороны, предприимчивый и деятельный Тимон вызывал симпатию, но

его нахальство, бесцеремонность и пренебрежение границами личного пространства и частной собственности рождали большое желание распылить костяк на молекулы.

«Странно, – думал неспешно прохаживающийся Рорх. – Что-то я становлюсь сильно эмоциональным, почти как живой, и "еды" мне так много уже не требуется».

Он тряхнул головой, отгоняя мысли, и, решительно подойдя к троллю, протянул ему две черные сферы.

– Давайте, студент Винни, пока вы еще студент.

Винни взял шарики, активировал и закрыл глаза. Сферы, уже мерцающие густо-зеленым светом, Рорх активировал тут же, с командой на общую визуализацию.

Непонятно, на что он надеялся, но после кадров, где они спорят о месте вызова духа, народ оживился, и дискуссия началась по новой.

– Вот я говорил: надо было тут вызывать, – тыкал Винни пальцем прямо в клумбу, полностью игнорируя разозленный взгляд профессора. – А на могиле вызывали, даже не посмотрели чья! Вот и вылезло непонятно что из могилки бывшего алкаша-коменданта.

– Ты еще скажи, он на запах вылез, – не полез в карман за словом Тимон.

– Это кого ты тут алкашом обозвал? Совсем студенты распоясались! – раздалось возмущенное за их спинами. – Привет, Марк. Киношку смотришь?

– Смотрю, кто что делал. Надо же понять, что с ними де-

лать и как наказывать.

– Пусть меня обратно отправляют! Я тут без зарплаты работать не собираюсь.

Старый жмот Шнырь сказал, что мне ничего не положено, поскольку я ни в чем не нуждаюсь. – Привидение горестно вздохнуло и продолжило: – Ни напиться, ни удавиться! Пусть вернут меня, где взяли. Я не помню где, значит,

там точно было отличное место!

Рорх, рассеянно слушая жалобы призрака вперемешку с тихим переругиванием студентов, продолжал смотреть «кино». Сурово нахмурился, разглядывая, как тролль обрывает клумбу, с интересом понаблюдал за странным ритуалом вызова духа. С шаманизмом он был знаком неплохо, хоть и в теории, но то, что творила эта троица, даже близко не походило ни на один известный ритуал. То, что на него откликнулся призрак, которых в этом мире вообще до сих пор не существовало, было странно и требовало изучения. Пока же надо было решить, как поступить с вандалами, испортившими коллекционные петунии с романтичным названием «Сладкий ночной дурман».

– Значит, так! Ты, – он кивнул троллю, – где хочешь ищи и высаживай цветы. У тебя неделя на то, чтобы клумба была как до твоего варварского вторжения. Ты, мелкий, раз самый умный, решай, как вернуть или сделать более материальным его, – кивок на Тимона и призрака. – Причем материальным до той степени, чтобы его устраивало!

Призрак заинтересованно облетел вокруг Тимона и душевно пообещал:

– Теперь мы станем неразлучны. Я буду твоей тенью, совестью и наказанием.

Тимона перекосило от таких заманчивых обещаний. Он вспомнил, что хотел попробовать еще раз пригласить на свидание женщину своей мечты. Призраки в этот план не просто не вписывались, а были категорически противопоказаны!

– А ты, – лич обратил свой взгляд на Фшена Шатоса, – помогаешь этим двоим и еще готовишь мне ко второй сессии доклад по шаманским ритуалам пустоши!

– А почему мне и помощь, и доклад? – взвыл пустошник.

– Помощь потому, что во всем участвовал, а доклад потому, что в моей коллекции нет описания этих ритуалов. – Рорх ехидно улыбнулся. – Ты же единственный тут был настоящим учеником шамана. Значит, больше ответственности и больше наказание.

С неба падали пушистые снежинки, кладбище, покрытое тонким белоснежным покрывалом, выглядело бы нарядно и умиротворенно, если бы не развороченная клумба в качестве центрального элемента.

Рорх, раздав задания, решил сходить к Бяо. Его заботила судьба феек, да и свою эмоциональность надо было как-то объяснить.

Троица задумчиво смотрела вслед уходящему личу, над Тимоном висел призрак и разглядывал его с профессиональ-

ным интересом патологоанатома.

Все-таки сборный скелет из разных костей с призрачными крыльями был анатомически уникальным объектом.

Первым, как всегда, подал голос тролль:

– Жрать охота! Пошли в столовую сходим.

Пустошник, подумав, согласился и добавил:

– А потом к природникам. Если первыми объясним Виолетте Дифинбахиевне, что хотели ритуалом помочь бабуле, она нам с цветами, наверное, поможет.

Призрак тут же проявил неудовольствие в связи с темой столовой:

– Ну правильно! Поесть, выпить, поспать! Верните меня обратно, неучи! Я тут висю… вишу… в общем, зависаю, а вам плевать!

– Не пыли, голубой! Мы с тобой пойдем к артефакторам. Там декан – отличный дядя. Это он меня собирал. Я раньше вообще духом был и жил в черепушке, а теперь смотри! Красавец! Руки, ноги, крылья!

– Какой я тебе голубой?! – привидение аж затрясло.

– Ну вот же, – Тимон потыкал в него, – синенький, голубенький, прозрачненький.

– Пусть будет синенький или прозрачный, но голубым меня не называй!

– А почему? Нормальный цвет.

Петр Егорович не очень хотел делиться подробностями некоторых особенностей своей бывшей родины и русского

языка в частности, поэтому просто выкрутился:

– У меня с этим цветом связаны неприятные воспоминания… не люблю я его.

– А мы же к артефакторам идем. Там кругом этот цвет. Ты как там будешь? – озаботился Тимон.

– Нормально, ты, главное, меня так не называй. А в остальном меня это не беспокоит.

Подивившись странной фобии привидения, Тимон кивнул.

Народ, определившись с маршрутом и планами, стал расходиться.

Рорх смотрел на феек, пока Бяо брал анализы.

– Ну что я вам скажу, профессор, – косичка на макушке фрогона качалась вместе с мелкими покачиваниями головой, – у вас активировался мутаген.

Правда, активность невысока и прогресс очень медленный, но надо бы теперь наблюдаться постоянно. Жду вас завтра.

Рорх ушел, а Бяо остался у сферы изолятора.

К ректору академии поступил неопознанный вызов. Эртониза после минутного раздумья все же активировала связь. Несколько фраз разговора, активация портала – и в кабинет шагнули два ликвидатора. Один бережно держал на руках сверток из одежды.

Глава 4. Детские годы чудесные

Открыв глаза, Мария Спиридоновна не сразу осознала, где находится. Первое ощущение было неприятным и сюрреалистичным. Она висела в зеленоватом пузыре, а на нее сквозь прозрачную стенку пялилось что-то маленькое, страшное и с антенкой на голове. Лишь через мгновение в голове прояснилось, и она опознала за выпуклой, искажающей стенкой сферы целителя Бяо. Антенка оказалась косичкой фрогона.

Марья первым делом осмотрела себя – то, что можно было рассмотреть. Младенцем она быть перестала, но руки и ноги у нее по-прежнему были маленькие.

– Значит, я еще ребенок.

Точнее можно было понять, только посмотрев в зеркало.

Бяо подождал, пока Марья оглядит себя, и осведомился о ее состоянии и самочувствии:

– Мария Спиридоновна, вы меня понимаете? Как вы себя чувствуете?

– Как молодая луковка весной, – отозвалась Марья цитатой любимой Хмелевской. Потом, спохватившись, добавила: – Я хорошо себя чувствую, профессор Бяо. И я всё прекрасно понимаю и осознаю. Единственное, что мне неясно, это почему я еще ребенок.

– На это пока сложно ответить, – уклончиво произнес про-

фессор. – Надо провести анализы, сопоставить факты, выявить первопричину и вообще факторы, спровоцировавшие изменения.

– Тогда второй вопрос. Даже два! Где мои внуки и когда меня отсюда выпустят? Хотя три. – Марья еще раз оглядела себя. – Кто меня переодевал?

На ней была одежда. Маленький миленький комбинезончик в цветах некромантского факультета.

Смутившийся Бяо начал отвечать с последнего вопроса, чтобы сразу нивелировать неловкую ситуацию.

– Переодевала вас госпожа ректор, лично. Это комбинезон Пантелеймона, не переживайте – он новый и ни разу не надевался. Он из той серии, что представила ваша подруга на подиуме осеннего фестиваля, растет вместе с ребенком. Пантелеймон заказал несколько форменных на случай, если начнет опять уменьшаться. Вот вам пригодилось теперь. У Пантелеймона мутаген стабилен и уже не будет в активной фазе, так что его рост останется таким, какой есть сейчас.

– А внуки? Что с ними? Мне в том, – у Марьи уже язык не повернулся сказать «моем», – мире сказали, что они умирают. Это правда?

– Слава создателю, уже нет! Они и правда были в плохом состоянии, феи в отсутствие привязки к месту или королеве долго не живут.

– Но я не место и не королева!

–Вы приняли их в семью и стали ее главой. На Зачаро-

ванной поляне королева – это глава рода. Здесь глава рода фей вы. Ваших фей. В ваше отсутствие только Тимон и ваша часть крови в нем не дали им уйти мгновенно. Вы вовремя вернулись. Сейчас феи в прекрасном состоянии. Убедившись, что вы хоть и маленькая, но именно вы и просто спите, они улетели подкрепиться и узнать новости. Впрочем, как и рассказать всем, что вы вернулись.

– А выйти я отсюда когда смогу? Или буду висеть, пока не вырасту?

– Ну почему же! Вот сейчас закончу сканирование общего состояния, возьму пару анализов, и за вами придет секретарь ректора. Только надо будет приходить ко мне каждый день, утром и вечером, для наблюдения за вашим здоровьем.

– А секретарь мне зачем? Если к ректору сходить, то я знаю дорогу и прекрасно дойду сама.

– Думаю, это потому, что на вас пока нет артефактов академии, на всякий случай.

Он дезактивировал сферу, и Мария Спиридоновна мягко опустилась на пол. Сидя на стуле, она с интересом наблюдала за всеми манипуляциями целителя, только во время забора крови прикрыла глаза. Лэри пришел как раз тогда, когда все процедуры закончились и Бяо стали немного напрягать различные вопросы. Марья всегда была любознательной, но с возрастом иногда деликатность и стеснение не дают удовлетворить любопытство. То, что у ребенка называют непосредственностью и чему умиляются, у взрослого могут назвать

назойливостью и бестактностью, и, кроме раздражения, это других чувств не вызывает.

Мария Спиридоновна, весело болтая ногами на высоком стульчике, живо интересовалась, зачем целитель смешивает вон то с вот этой жижей из пробирки.

– А зачем этот камешек? А вот та палочка почему желтым светится? Ой, а сейчас уже лиловым! А порошок этот из чего сделан?

Бяо пытался отвечать, но, видимо, использовал слишком много непонятной терминологии, поэтому внимание Маши перескакивало на следующий объект для вопросов. В то же время если ее спрашивали про что-то, то отвечала она с прежней рассудительностью и умом Марии Спиридоновны. Бяо отметил и этот факт в журнале наблюдений за пациентом.

Лэри пришел вовремя и забрал Марию Спиридоновну от уже нервничающего профессора.

Маленькое тело было переполнено энергией, Марье хотелось идти вприпрыжку или даже побежать. Ее бабушка, когда видела малышей, бегущих по улице, всегда говорила:

– Ноги ходу просят.

Видимо, и у Марьи «ноги просили ходу». Раньше она не замечала, что пол в коридоре, ведущем к кабинету ректора, расчерчен в клеточку. И, только увидев ошарашенные глаза Лэри, поняла, что скачет по ним на одной ножке, пытаясь играть в «классики». Она смутилась, но ненадолго. В при-

емной, где стоял стол секретаря, оказалось большое зеркало. Забыв про ректора, она кинулась к нему и принялась разглядывать себя.

Зеркало отразило русоволосую и голубоглазую малышку лет пяти со встрепанной челкой и разметавшимися волосиками – результат прыжков на одной ножке. Легкая россыпь едва заметных веснушек, небольшая щель между передними зубами и плотная фигурка в черном с фиолетовой отделкой комбинезоне. А на ногах оказались носки. Видимо, у домового не нашлось подходящей обуви. Поэтому толстые вязаные носки в фиолетово-черную полоску были единственным вариантом не оставлять Марью босоногой.

Лишь тихий и спокойный голос Эртонизы оторвал ее от зеркала, и они прошли наконец в кабинет.

Маленькая Маша почти утонула в кресле, но пересаживаться отказалась. Собеседникам видна была только голова, с любопытством рассматривавшая обстановку.

– Мария Спиридоновна, – Эртониза была чуточку озадачена, – вы же не раз были в моем кабинете.

Марья взглянула на ректора и, стараясь не пялиться на нее слишком сильно, попыталась честно рассказать о своих ощущениях.

– Знаете, я словно заново познаю мир. Память и навыки, опыт и знания – всё осталось со мной, но сейчас ощущения как будто стали ярче, замечаю то, на что раньше не обращала внимания, и хочется вести себя как ребенок. Хочется бе-

гать, всё рассматривать, трогать и задавать вопросы. Мозг осознает, что я взрослый человек, а тело просит движения, и характер, кажется, тоже изменился. Правда, я пока не очень поняла как.

– А вас устраивают эти изменения? Не напрягают?

– Мне кажется, что это неудобно. Я же не ребенок.

– Почему? На данный момент, за исключением интеллекта и памяти, вы как раз ребенок, и, чтобы развиваться, вам надо познавать мир. Вы ведь хотите вырасти?

– Конечно. Мне кажется, что с этим телом у меня какое-то раздвоение личности.

– Нет никакого раздвоения, просто ведите себя как вам удобно и не смущайтесь, тогда рост и развитие будет быстрее.

– Я буду расти, пока не стану как раньше?

– Думаю, вы будете меняться, пока не почувствуете себя комфортно в своем теле. Так что всё зависит от вашего восприятия себя. – Ректор слегка улыбнулась и про себя решила, что это будет интересный этап «угадайки».

Тут в не до конца прикрытую дверь ректорского кабинета стремительно влетели фейки. Они не могли больше терпеть и ждать встречи с обожаемой бабулей.

Феи закружились вокруг кресла, разглядывая Марью, а Мария Спиридоновна смотрела на них и изумлялась сама себе. Она жила рядом с таким чудом и не замечала. Видела их запачканные сладким личики, как у обычных малышей,

хулиганские поступки, радость феечек от рассказанных сказок. А вот то, что это чудо, маленькие человечки с крылышками, не замечала! Какие красивые! Как куколки, тоненькие, воздушные, и как ей радуются! Феечки приземлились ей на колени, и она осторожно, кончиком указательного пальца, погладила их по волосам.

Эртониза, поняв, что серьезные разговоры лучше на время отложить, протянула Марии Спиридоновне ее артефакты со словами:

– Вы пока остаетесь на прежней должности. Каникулы еще не закончились, потом будет неделя праздников. Надеюсь, к тому времени ваше тело станет достаточно взрослым, чтобы исполнять свои обязанности. Пока на ваше место претендент только один, Петр Егорович Беспалов. Это бывший комендант.

Марья удивленно посмотрела на невозмутимую драконицу. Она помнила, что попала на должность потому, что прошлый комендант умер. Может, этот был еще до предыдущего? Но ректор продолжила, и стало еще страннее:

– Он нам не совсем подходит, потому что он призрак. Он, и будучи живым, довольно халатно относился к своим обязанностям, а сейчас, поняв, что призрак не может пить и претендовать на зарплату, тем более не горит желанием работать. Впрочем, я его понимаю. К тому же призраков в нашем мире до сих пор не существовало. Его появлению в ваше отсутствие поспособствовали два балбеса с некромантского и

ваш как бы родственник Тимон. Надеюсь, вы подумаете на досуге и по поводу этой истории. Детское восприятие, возможно, поможет расширить понимание всего происходящего, а взрослый разум подскажет варианты. Идите к себе, отдыхайте. Хотя вам это сейчас не особо нужно, но вам и не дадут. – Она опять улыбнулась. – Вас все ждут в общей гостиной. – Дух-хранитель в виде маленького призрачного котенка лежал у нее на плече.

Мария Спиридоновна вышла и направилась знакомой дорогой к себе в общежитие. Феи летели следом. Они уже узнали все новости и теперь пересказывали их Марье. Еще в приемной Лэри накинул на нее пушистую шаль, забытую у ректора Манефой Ауховной. Поскольку у кикиморы их было не меньше, чем у Марьи вееров, то счастливая Маша была теперь с головы до пят завернута в теплую мягкую прелесть и совсем не мерзла. Она слушала феек и восхищенно любовалась зимним парком, слегка заснеженным, с уже цветущим морозником, дни которого скоро наступали как зимний праздник. Утоптанный снежок тропинок и пушистый на газонах, иней на деревьях и контрастные цвета общежитий на белом фоне. На душе было светло от этой тихой природной красоты и спокойно, потому что дом человека там, где его любят и ждут. Ее дом был здесь!

В гостиной некромантского общежития ее действительно ждали. Едва войдя, она подверглась атаке двух упитанных пушистых тушек выусней. Если учесть, что размером

они были сейчас ей по грудь, то на ногах устоять было нереально.

Она запуталась в шали, в мехе, в хвостах и лапах и, лежа на спине, пытаясь спихнуть расшалившихся радостных зверей, заливисто хохотала. Две большие руки оттащили выусней, а еще две приподняли Марью за подмышки. Шаль осталась на полу, а Марья дрыгала в воздухе ногами, улыбаясь держащему ее личу. За его спиной стоял Винни, подхвативший выусней. Поодаль на диванчике сидели декан с профессором Кроновым. Кронов держал в руках очередную земную книгу с призрачной печальной дамой на обложке и полуголым мускулистым мужиком в короне с мечом и зверским выражением лица. С кресел у накрытого стола ей махали домовой и завхоз, пустошник, как всегда, загадочным ассасином в капюшоне прислонился к стене.

Тут за спиной послышались шаги, Рорх поставил Марью на пол, и она обернулась к двери. В гостиную вошел непривычно унылый Тимон, за спиной которого висел призрак небритого мужичка в очках и свитере с недовольным выражением на лице.

– Ну и где эта ваша бабуся? – хрипло осведомилось привидение.

– Я за нее, – ответила Марья классической фразой из «Шурика».

Глава 5. Чьи в лесу шишки, тому ими и битому быть

От артефакторов Тимон выходил в подавленном настрое-

нии. Ему в первый раз не удалось сразу избавиться от проблемы или хотя бы найти пути к ее решению. О'Валинтер удивленно обошел привидение по кругу и сказал, что сначала надо хотя бы понять природу этого явления. Артефакт к неизвестно чему не делается. Посмертие изменило характер бывшего коменданта не в лучшую сторону. Раньше он был достаточно тихим алкашом, слегка саркастичным, со свойственным патологоанатомам черным юмором. Средних лет и без особых жизненных целей. Сейчас это было бесплотное подобие человека, язвительное, сварливое и имеющее вполне определенные цели: «верните меня обратно или сделайте как было». Конечно, услышав в свой адрес «природа явления», он не смог промолчать.

– То, что вы не сталкивались с подобным, еще не дает вам права так обо мне отзываться! – сразу стал высказывать он опешившему вампиру. – Я хоть и стал призраком, но по-прежнему являюсь человеком, я не «оно» и не природное явление. Ваши отговорки просто доказывают вашу полную некомпетентность в вопросе артефакторики. Кто вам вообще деканство доверил?!

Энтони был достаточно древним вампиром и, работая со студентами и творческими людьми, хорошо умел держать себя в руках, но это существо, и при жизни бывшее довольно жалким, сейчас, после смерти, стало очень наглым. Он посмотрел на понурившегося Тимона, к которому испытывал искреннюю симпатию, и, активировав сферу для работы с

особо опасными артефактами, втянул скелетика под образовавшийся купол.

– Ну и как вас угораздило? – спросил он, с исследовательским любопытством наблюдая за попытками призрака проникнуть в ограниченное куполом пространство. Купол в это время при каждом контакте с психующим куском эктоплазмы фиксировал нужные артефактору параметры, спектры и прочие данные и смог даже пробы частиц этой нематериальной субстанции затянуть в специальную ловушку для последующего анализа.

Тимон рассказал, как было дело, добавив при этом про наказание от Рорха.

– Я подумаю над вашей проблемой. Не знаю, что смогу сделать, но, может, как-то его сдержу для начала. Вот, например, через этот купол он не проходит, но есть недостаток. Купол сильно ограничен в размерах, максимум можно метра на два растянуть, и по времени тоже есть ограничение. Мне он сегодня еще понадобится, поэтому снимаю.

Он убрал защиту, и привидение пролетело сквозь них, злобно ругаясь. Ругался Петр Егорович на высокохудожественном русском матерном, который они не поняли в силу повышенной этажности конструкций этой изящной словесности. Видимо, аналоговый магический перевод в данном случае не срабатывал.

– Ух ты! – восхитился Тимон. – Там только пара слов на тролльем прозвучала. Это ж как надо ругаться, чтоб ни на

один язык не перевело?

– Ну, по-моему, я уловил несколько гоблинских оборотов и хансадское наречие, но наречие я не знаю. Просто на слух похоже, – покивал головой вампир.

– Вы! Лингвисты… – далее шел непереводимый русский фольклор. – Какого?.. – и еще немного фольклора.

Может быть, Беспалов и довел бы уравновешенного вампира, или они бы его довели, но замигал браслет Тимона. Сообщение было кратким и радостно им озвученным:

– Бабушка Маша вернулась!

Впрочем, призрак тут же испортил настроение, заявив, что комендант он!

– Меня никто не увольнял, и ваша Маша незаконно занимает должность! Надо посмотреть, что там за божий одуванчик втерся ко всем в доверие. Наверняка какая-нибудь ведьма с подъездной лавочки.

И привидение важно направилось к выходу, уверенное, что быстро поставит на место объявившуюся самозванку. Тимон в панике, что противное создание обидит бабулю, кинулся за ним.

Так они и оказались в общей гостиной некромантского общежития.

Услышав крылатую фразу из «Шурика»: «Я за нее», привидение во все глаза принялось разглядывать маленькую голубоглазую девочку лет пяти.

– Девочка, тебя не спрашивали. Нехорошо так разговари-

вать со старшими, – попытался призрак отчитать Марью. – Вот ушлая бабка, еще и ребенка с собой притащила. На жалость давить собралась, чтоб с работы не поперли. – Он распалялся всё сильнее, не видя нужного ему объекта.

– Ты чего орешь, болезный?! – Малышка классическим жестом русской женщины уперла руки в боки. – Я тебе культурно, по-русски говорю. Я бабушка Маша, для тебя Мария Спиридоновна. Я тебя, сопляка, лет на двадцать старше, тебе и пятидесяти-то нет, хоть и покойник уже. Сколько ни объясняй вам, что пить – здоровью вредить, всё неймется. То, «белочку» поймав, козленочком станут, то вон вообще синева привиденческая.

– Это кто еще синева?! – Бывший комендант, брызгая призрачными слюнями, завис над Марьей, тряся кулаками.

Та смотрела с легкой иронией на потуги бесплотной субстанции и подвела итог:

– И пользы от тебя никакой! Хоть бы джинном стал, раз всё равно посинел, жил бы в лампе. Мы бы желания могли загадывать, а так только прозрачность обзора портишь своим мельтешением.

Привидение замолотило кулаками у нее над головой и опять начало громко выводить фольклорные рулады. Если окружающие его не понимали, только Винни на паре оборотов сжал кулаки и зло сверкнул глазами, то Марья его понимала хорошо. Детство в деревне, завод и общага – там наслушаться можно было и не такого.

– Ты бы при детях не выражался, культурный ты наш! – Такого грозного рыка от крошки никто не ожидал услышать. – Какое тебе общежитием заведовать, ты говорить-то нормально не можешь! Сначала научись общаться без своих оборотов и нормальным тоном!

– А вот это ты верно подметила, – в гостиную вошла Манефа Ауховна. В кружевном капоре и изумрудной вязаной шали с бежевыми объемными розами, она была роскошна. Маленькие глазки кикиморы из-под кустистых бровей презрительно осмотрели привидение, нос дернулся, принюхиваясь, и рот растянулся, обнажая крупные желтоватые и явно острые зубы.

– Такое непонятно какое к дитям пускать не следует. Ни виду, ни поведению, ни манерам не обучен. Срамота одна, а не комендант.

Петр Егорович опять открыл рот, чтобы до кучи и эту старую ведьму обложить от души. Но тут с места сорвались вконец разозленные фейки и пулями проскочили через призрака, рассыпая серебристую пыльцу. Тот невольно схватился за грудь и уставился на отверстия, расползающиеся в призрачной плоти.

Марья охнула в ужасе. Она не желала, чтобы ее дорогие внуки стали виновниками смерти пусть мерзкого и уже покойного, но вроде как человека.

Отверстия становились всё больше, и в итоге вместо одного большого привидения появилось три маленьких. Абсо-

лютно идентичные Петры Егоровичи в изумлении разглядывали друг друга и писклявыми голосами хором орали про произвол.

Манефа раздраженно нахмурилась на эти писки и сыпанула какой-то травой из мешочка на поясе. Хотела ли она вернуть Беспалову прежний вид или просто думала угомонить, но результат посыпания заставил гостиную сотрястись от громового хохота. Три крошечных привидения стали кислотно-розового цвета, такого яркого, что даже Барби признала бы его безвкусицей. А если учесть, что они еще и голоса лишились, то выглядело это просто бесподобно.

Три ярко-розовых крошечных прозрачных очкарика, машущих руками и открывающих рты, как аквариумные рыбки.

Поняв, что над ними все хохочут и ни страха, ни уважения они не вызывают, призраки ярко-розовой стайкой вылетели через стену подальше от гадких некромантов. Кикимора же уже вовсю приплясывала вокруг Марьи:

– Оюшки, до чего же ж миленькая ты, Марья. Такая ладная крошечка. – И без перехода в сторону гоблина: – Ты Саре-то сказал, что Марья нашлася?

– Нет. Она же маленькая была, младенец. А вдруг бы не выросла? Я имею в виду – вот так, чтобы быстро. – Он кивнул на Марью.

– Вот ирод старый! Жинка вся извелася, а он там думал. А объяснить, что да как, ума не хватило? Ох и устроит она

тебе, если не забудется на радостях. Пошли, Марьюшка, навестим девочек. Они все извелись. Таверна еще держится, а вот Азалия все заказы демонские отменила и поникла вся. Ей же творить надо, а как, если от горя вдохновения нету? А эти, – она кивнула на мужчин, – недогады, сообщить такую новость не смогли.

Фейки наотрез отказались отпускать свою бабушку одну. А Тимон и подавно, особенно если учесть присутствие на встрече женщины его мечты.

Когда компания пришла в таверну, две подруги, сидя за столиком, предавались воспоминаниям.

– А я так радовалась, столько заказов привалило. Процент ей обещала хороший, – вытирала набегающую слезу, хлюпая носом, Азалия.

Сара, отложив потухшую любимую трубку, цедила из большой кружки гномское пиво, темное, с терпкой горчинкой. Такое пиво гномы пили, провожая караваны в дальнюю дорогу. Горчинка в пиве должна была перебить горечь долгой разлуки.

Вскарабкавшуюся на стул малышку печальные дамы сначала даже не заметили. Только севшая за стол кикимора, кивнув на нее, ехидно посоветовала:

– Ну вот, вернулась наша Марья. Только не затискайте подругу, уж больно хороша, пока дитятко малое.

Женщины неверящими глазами разглядывали улыбающуюся девочку с такими знакомыми голубыми, только более

яркими, глазами.

– Марья?! – первой пришла в себя Азалия. – Точно она. А как? А куда… где, когда, и откуда, и… – Дриада разрыдалась от облегчения, размазывая слезы шарфиком и счастливо улыбаясь.

Сарочка подхватилась с объятиями, но, передумав, осторожно погладила Марию Спиридоновну по голове и, заявив: «Детей надо кормить, чтобы росли быстрее!», гордой каравеллой на всех парусах поплыла в кухню, раскуривая на ходу трубку с ароматными специями.

Марья от такого заявления слегка напряглась: с Сарочки вполне могло статься упичкивать ее едой до состояния свинки на откорме.

Когда Азалия отошла от рыданий и наобнималась со всеми, к огромному удовольствию Тимона, а Сарочка заставила весь стол едой и выпечкой, пришел черед Марьи рассказать о том, что с ней приключилось.

Дамы дружно выразили надежду, что поганец, попортивший им нервы и чуть не лишивший семьи и дома Марию Спиридоновну, попадет в их руки. Азалия согласилась возобновить работу с демонами, раз леди Серина понравилась ее подруге и, по сути, демоны совсем не виноваты. Мария Спиридоновна вернулась, причин для депрессии больше не было, и бизнес нельзя было упускать. Тем более при взгляде на маленькую Машу у дриады появилось столько новых идей для одежды.

Сара же, подкладывая малышке на тарелку очередную плюшку, вдруг поймала себя на мысли о маленьких детях. У них с Пафнутием было пятеро детей, девять внуков и даже один правнук, но Сарочка вдруг размечталась о том, как хорошо было бы снова качать на руках своего кроху. Учитывая продолжительность их жизни, старого гоблина вполне мог ожидать сюрприз.

Эртониза связалась с Сериной и сообщила ей последние новости, демонесса должна была узнать, что феи выполнили желание. Бабушка вернулась, пусть не совсем старушкой, но главное – собой. Абрахам, который оказался рядом с женой, тут же начал выспрашивать подробности. В итоге через двадцать минут у стационарного портала ректор встречала гостей.

– Эртониза, я понимаю, что это не лучшая идея, но нам очень надо, чтобы Мария Спиридоновна приехала к нам на первый день праздника. Нам хочется как-то оправдаться в ее глазах. Виновника в замке уже нет, и ее безопасность я гарантирую семейными артефактами.

Абрахам больше переживал за не проведенную среди дам игру, бал и репутацию, находящуюся под угрозой из-за пострадавшей гостьи. Надо было реабилитироваться в глазах общественности и собственной жены.

– Вы думаете, вам удастся ее уговорить поехать туда, где она чуть не лишилась всего, что ей дорого? – Ректор равнодушно разглядывала третьего советника.

– Может, нам удастся ее убедить, Базуркевичи всё еще в замке. Миранда считает, что бабушка найдется именно там, – Серина решила поддержать разговор. – И у нее же есть подруги, пускай возьмет их с собой. Приглашение выпишем персон на десять, получится хорошая свита и дополнительная гарантия безопасности.

Ректор, возможно, придумала бы еще аргументы против, но прозвучал вызов. Извинившись, она включила ментальный приватный режим ответа. Разговор занял пару минут.

– Хорошо, вы можете попробовать с ней поговорить. Я, со своей стороны, выделю ей сопровождение от академии. Думаю, Манефа согласится немного тряхнуть стариной и развеяться.

Эртониза набрала вызов кикиморе, чтобы узнать о ее планах и рассказать о предложении советника. Узнав, что подруги собрались у Сарочки, она предложила демонам:

– Мария Спиридоновна сейчас как раз с подругами, вы можете обговорить свое предложение сразу со всеми. Таверна Сары Шнырь, весьма известное в городе заведение.

Демоны откланялись и поспешили на выход.

Драконица закусила губу и задумчиво посмотрела в окно.

– Значит, папочка всё же решил почтить нас своим присутствием. Праздников ему захотелось в «кругу молодежи». Что же, прилетай, папуля.

А три розовых привидения на кладбище собирались в силуэт мужичка в свитере и очках. В душе царили уныние, без-

надега и злость на окружающих.

– Вот я на вас управу-то найду. – Призрачный кулак погрозил в сторону общежития некромантов.

Глава 6. Семь нянек

В таверне у Сарочки стоял кавардак. Две маленькие фейки, пища почти на ультразвуке, бешено носились вокруг четы демонов. Сара стояла суровой, молчаливой и внушительной статуей самой себе, а экспрессивная Азалия в вихре бус и завязочек, отчаянно жестикулируя, пыталась объяснить демонам бредовость их желания. Тимон, восхищаясь темпераментом женщины своей мечты, поддерживал ее в особенно острых моментах монолога, поддакивая и для придания большего значения словам похлопывая себя по костлявой кисти форменной тростью.

Лишь Марья, молча уплетая восхитительный разноцветный мусс из креманочки, воздушный, как облачко, сливочный с лимонно-карамельной ноткой, спокойно переводила взгляд с одного на другого.

Шумиху остановила Манефа. Кикимора узнала новости заранее от ректора и успела всё обдумать. Существом она была довольно древним, а еще у нее были свои способы добывания информации. Какой бы скрытной ни была драконица, но то, что в МАСМ собирается «старый ящер», до Манефы окольными путями дошло. Смотря на крошечную Машу и прекрасно зная убедительность этой «грузовой летающей немажоськи», она понимала, что съездить к демонам и отсрочить знакомство – это необходимость.

– Может, все немного помолчат и послушают меня?! – скрипучий, казалось, негромкий, но словно ввинчивающийся в мозг голос заставил всех поморщиться и затихнуть. Фейки плюхнулись на плечи к бабуле, Азалия села на свой стул, всё еще нервно поводя плечами и сверкая глазами. Тимон тут же пристроился рядом, заботливо наполняя ее бокал. Сара так и осталась стоять, сверля советника тяжелым взглядом, демоны тоже не присели.

– Я думаю, оставлять неоконченные дела к Дням Морозника не следует, а они у нашей Марьюшки там остались, – кикимора чуть пожевала губами. Перебить ее никто не рискнул.

– Я съезжу с ней. И ты, Азалия, вполне можешь, у тебя там заказчиц полный замок, и смена обстановки тебе пойдет на пользу. Жаль, Ферра в отъезде, да и Сарочка таверну не может оставить.

Тут, конечно, не выдержал Тимон: бабулю опять увозят, и его женщину-мечту тоже. А если ей там какой демон понравится?

– Я, как единственный мужчина в семье – прости, Эм, но ты слишком молод для такого звания, – еду с вами!

Фейки взвились в возмущении и хором заверещали, что без них бабушка никогда и никуда больше ездить не будет!

Манефа покивала, обвела еще раз всех взглядом и решительно подытожила:

– Вот и отлично, таким составом мы со всем справимся,

и комфорт обеспечим, и безопасность. Еще для надежности Кронова возьмем как юриста, мало ли что, и Бяо у ректора попросим. Надо же за Марьиным взрослением наблюдать.

– Но у нас есть хорошие специалисты и в юриспруденции, и в целительстве. – Абрахам не был против целителя Бяо, но молодой и симпатичный вампир с экзотической второй ипостасью вызывал у него неприятное чувство неуверенности и настороженности.

Впрочем, кикимора была не намерена идти на уступки.

– Или Марья едет с такой компанией, или не едет совсем!

Сама Маша, выслушав всё это и придя в негодование, что за нее, как за ребенка, начали всё решать, даже не спросив, неожиданно для всех вмешалась в разговор:

– А ничего, что я здесь сижу? Мне не совсем понятно, почему вы всё решаете, не спросив мое мнение? Если я выгляжу как ребенок, это еще не значит, что умом я впала в детство! – и тут же, противореча своим словам, чисто по-детски, с наслаждением, облизала со всех сторон чайную ложечку.

– Я никуда не поеду! Как вспомню себя сначала маленькую и беспомощную рядом с этим гаденышем, а потом в том мире с мыслями, что мне всё показалось! Нет, к вам в замок я не поеду! – и она замотала головой, как делают это упрямые дети, отказываясь от чего-то.

– Но Миранда ждет вас там, и остальные. Мы предоставим родовые артефакты защиты, – леди Серина пыталась быть очень убедительной. – С вами будут друзья. Вы же хотели

провести игру среди дам, и, поверьте, бал у демонов, особенно в моем замке, это заслуживающее внимания зрелище.

Марья посмотрела на друзей. У Азалии горели глаза, видимо, дриада представляла себе свой триумф в замке. Тимон не сводил с нее глаз, полный решимости и близко не подпустить к ней ни одного демонского ловеласа. Фейки, которые почти нигде не были и очень любили праздники и игры, задумчиво косились на демонов. А Манефа смотрела на нее извиняющимся взглядом, но с твердой решимостью в глазах. Было понятно, что кикиморе очень надо, чтобы Марья поехала.

– Мне туда точно надо? – тихонько спросила та, обращаясь к кикиморе.

– Надо, Марьюшка, – Манефа вздохнула. – Спокойнее всем будет, а может, и веселее. Ты же такая выдумщица.

Мария Спиридоновна задумалась, анализируя свое внутреннее состояние. Осторожная и мудрая пожилая женщина в ее голове опасалась новых неприятностей, а маленькая девочка радовалась праздникам, волшебному слову «бал», возможности поиграть с большими тетями и показаться всем в нарядных платьях. И маленькая девочка смогла уговорить осторожную, но тоже любящую праздники и подарки пожилую женщину. Ведь когда с тобой рядом будет столько друзей, тебя оберегающих, то, наверное, всё точно будет хорошо. Да и сама Марья будет очень осторожна, особенно с незнакомой едой.

– Хорошо, – произнесла она наконец после раздумий. – Когда едем? Наверное, всем надо подготовиться.

Компания дружно закивала в ответ. Обрадованные демоны обещали передать ректору портал и, откланявшись, оставили их обсуждать поездку.

Дамы тут же заговорили о нарядах и украшениях, а Тимону поручили позаботиться о том, чтобы ректор отпустила с ними вампира и фрогона. Гордый оказанным доверием, скелетик тут же улетел выполнять поручение.

Ректор была согласна отпустить профессоров, лишь бы Мария Спиридоновна уехала и вернулась уже повзрослевшей хотя бы до подростка. Все-таки в подростковом возрасте недоверие, самостоятельность и юношеский максимализм, наложенные на ум и опыт пожилой дамы, давали хоть какую-то гарантию того, что Мария Спиридоновна не променяет хорошее место работы на службу развлекательницы старого интригана.

Профессора свое назначение сопровождающими восприняли по-разному. Если Бяо был рад возможности и дальше наблюдать за Марьей и познакомиться с замковым алхимиком для обмена опытом, то Кронов, представив себя в замке на балу с темпераментными демонессами, только зубами скрипнул. Неженатый вампир был для дам весьма лакомым кусочком, и ему очень не хотелось прятаться по углам от слишком рвущихся привести его к алтарю прелестниц. Впрочем, он решил, что маленькая Маша станет отличным

щитом между ним и демонессами.

Всеми временно позабытый бывший комендант, а ныне призрак Петр Егорович неприкаянно бродил по кладбищу. Отчаянно хотелось выпить от этой безнадеги, но даже такая малость ему была недоступна. Из парка за оградой донеслись голоса. Призрак подлетел поближе и просунул голову сквозь решетку. Разговаривали Рорх и желтоватый, похожий на китайскую лягушку целитель.

– Вот завтра и уедем, – рассказывал личу фрогон. – Я за Марией Спиридоновной буду наблюдать, а вы сами у себя показания состояния снимайте, вот ключ от лаборатории. На столе в журнал запишите. Если изменения слишком быстро пойдут, то вызывайте.

– Конечно. Надеюсь вам, профессор Бяо, понравится у демонов. Алхимик у них, конечно, чудак редкостный, но энтузиаст своего дела. Да и за Марьей присмотр нужнее, чем за древним личем. – Он тихонько засмеялся. – Я как-нибудь справлюсь. Смотрите не приведите молодую жену, демонессы – они такие.

– О, это скорее удел Кронова. Не думаю, что среди тамошних дам найдутся любительницы мужчин моей расы, – тоже хихикнул фрогон в ответ.

Петр Егорович смотрел вслед удаляющимся профессорам. Значит, эта бабушка-девочка уезжает к демонам, и не одна. Призрак задумался. Наверняка она возьмет с собой своих крылатых подпевал, всех трех. Это, конечно, хорошо,

но тут останется еще тупой тролль, пара профессоров и пустошник. Пустошника он как-то опасался. Лысый парень в татуировках вызывал в нем неприятные воспоминания о работе в 90-х. А кстати, что-то он нигде не видел домового. Маленький бородач был безобидным добрейшим существом и вполне приемлемым собутыльником. А уж информированным обо всем он точно должен быть. Петр Егорович решил поискать Пантелеймона.

Привидение пролетело по дорожкам парка, но зимний парк был пуст. Слетало в главный корпус и, вылетев, заметило маленькую фигурку в светло-желтой шубке и ярком золотистом платке, идущую к бытовому общежитию. Лизавету – а это была именно она – Петр Егорович не любил. Во-первых, он считал, и не без оснований, что она сильно много о себе мнит и воображает. А во-вторых, она пренебрежительно относилась к некромантам, унижала Пантелеймона и язвила самому Петру Егоровичу. Но спросить всё равно больше было не у кого.

– Лизавета, ты Пантелеймона не видела? – Беспалов, не подумав, что домовушка не знает о его «воскрешении», догнал девушку.

Услышав смутно знакомый голос, та обернулась и с вытаращенными глазами и открытым в беззвучном крике ртом шлепнулась на попу прямо в снег у тропинки. Привидение, может быть, и позабавила бы эта ситуация, но сведения ему нужны были срочно. Поэтому, не придумав ничего лучше,

он продолжил, попытавшись достучаться до Лизаветы:

– Так ты знаешь, где мне Пантелеймона найти? Невежливо молчать, когда тебе задают вопрос!

Наконец, видимо придя в себя, она захлопнула рот и, подскочив из сугробика, разозленная своим испугом и замешательством, стала высказывать всё, что думает касаемо ситуации.

– Это ты мне еще о вежливости будешь говорить! При жизни от тебя толку не было, и померев приперся в не пойми каком виде меня пугать! Пантелеймона он ищет! А домовик-то ваш теперь не пьет, так что зря ищешь. Наверное, опять с какой-нибудь гномкой загулял, ничему его жизнь не учит! А ты раз не мертвый такой, то хоть приведи себя в приличный вид. И голубой – это цвет артефакторов, так что не имеешь права ходить так в академии. Меняй цвет! – Лизавета распалялась всё больше. – Так и наши цвета присвоишь скоро! Думаешь, раз просвечиваешь и помер, то можно правила не соблюдать?!

От дальнейшей словесной порки по поводу присваивания цвета призрака спас вывернувший им навстречу с боковой дорожки Пантелеймон. Домовой был явно доволен жизнью: ему сообщили, что бабуля вернулась. Он шел по дорожке, крутя тросточку и взбивая ей небольшие кучки пушистого снега на обочинах.

– Вот и твой бывший собутыльник, – ехидно пропела Лизавета. – Цвет чтобы поменял! – и, гордо задрав голову, на-

правилась, куда шла.

Петр Егорович во все глаза разглядывал домового. Пантелеймон стал ростом с гнома! Домовой же замер, уставившись на полупрозрачную знакомую фигуру покойного коменданта.

Через полчаса бывшие приятели сидели в комнате домового и делились новостями. Ну как, домовой рассказывал, а Беспалов задавал интересующие его вопросы. Нет, конечно, Пантелеймон поинтересовался, откуда взялся бывший комендант, но, получив ответ, сразу успокоился и принялся с жаром делиться новостями. Посплетничать он любил, но обычно было не с кем.

Так призрак узнал и про бабулю, и про мутаген, и про демонов. Еще его очень заинтересовал Тимон, так как тот изначально был всего лишь привязанным к черепу духом. Сейчас же Тимон был пусть маленьким, но скелетом и имел в связи с этим много полезных, с точки зрения Петра Егоровича, бонусов.

Сложив в уме алхимика демонов, мутаген и чудеса трансформации подвергшихся его влиянию индивидуумов, он понял, что ему тоже не мешало бы посетить демонский замок. То, что его не приглашали, было малосущественно. Главное было пройти в портал с компанией бабки.

Определившись с планами, привидение попрощалось с Пантелеймоном и, сославшись на дела, отправилось в главное здание организовывать засаду на туристов.

Поэтому, когда на следующий день ректор активировала для всей компании переданный демонами артефакт разового портала, вслед за всеми туда влетела и полупрозрачная голубая фигура бывшего коменданта.

Заметившая это ректор досадливо вздохнула. Она надеялась, что папочку можно было бы отвлечь на это невиданное в их мире явление.

Пока план провалился.

Глава 7. И снова здравствуйте

Первым, что услышали прошедшие в замок Марья и компания, был недоуменный и звонкий вопрос Миранды:

– А бабушка Маша где? – И тут же: – А синее – это что? А девочка, наверное, бабушкина внучка? А бабушка скоро приедет?

Но вопросы не сразу получили ответы. Вся компания гостей и встречающих после вопроса про синее кто с недоумением, кто с возмущением разглядывали призрак бывшего коменданта.

Тот, поблескивая стеклами призрачных очков, висел в паре сантиметров от пола с независимым и равнодушным видом.

Первым опомнился, как всегда, Тимон:

– Ты зачем за нами увязался? Тебя сюда никто не звал! Проваливай обратно, а то сейчас опять растроИм и покрасим. И будешь тут у местных дам вместо аксессуара.

– Я тебя предупреждал, костлявый, что буду везде с тобой, пока обратно не вернете или приличный облик не сделаете, материальный! – не полез за словом в карман Петр Егорович.

– Высокие отношения! – тут же прокомментировала Марья звонким детским голосом.

Конечно, никто не понял, кроме привидения. Беспалов лишь злобно глянул на улыбающуюся «язвочку».

Командир гарнизона пятого сектора фронтира Эрхард Базуркевич привык полагаться не только на зрение и логику, но еще и на чувство опасности и нюх. Кем бы ни был этот полупрозрачный индивидуум, но он явно был не опасен. А вот малышка пахла знакомо, хоть и с примесью запахов, свойственных ее возрасту.

– Мария Спиридоновна? Похоже, вы применили какой-то эликсир и что-то пошло не так? – обратился он к хорошенькой голубоглазой девочке с двумя феями на плечах.

– Всё пошло не так, – с несвойственной такому возрасту серьезностью ответил милый ребенок.

А потом раздался счастливый вопль! Запахло ванилью, выпечкой и шоколадом. Марью что-то подхватило и закружило в воздухе. Вот уж никогда бы она не подумала, что ей так обрадуется… Лейла! Но запах эмоций явно не мог обманывать.

Радостная демонесса поставила Машу обратно на ноги и зачастила не хуже Миранды:

– У нас так весело давно не было, обычно скучно. Дамы хвастаются нарядами и требуют с мужей еще больше. Мужчины прячутся от них и занимаются какими-то своими делами. А тут сначала играть хотели, потом вас искали, потом ректор чуть замок не разнесла, фея прилетала, дамы гоняли папулю по замку, чтобы выдал им виноватого, потом стража украла из кухни все ноги и разломала кучу мебели. Все мои друзья сказали, что эти каникулы у меня просто супер! Даже

Рахден уже не такой скучный. – Она внимательно оглядела Марию Спиридоновну со всех сторон и заявила:

– Вы теперь такая хорошенькая! А играть мы будем?

Советник, поняв, что ситуация со встречей гостей выходит из-под контроля, попробовал вмешаться:

– Лейла, всех надо для начала разместить. Обеспечить Марии Спиридоновне защиту рода. А потом уже думать о праздниках и развлечениях.

– Дочь работает над характером и эмоциями, – леди Серина сочла нужным объяснить странности. – Чтобы было проще, ей сделали новое зелье, называется «положительный момент». Теперь во всем она может видеть хорошее и концентрирует внимание именно на этом. Как видите, и характер поменялся.

Призрак, решив, что про него временно забыли, решил обследовать территорию замка самостоятельно и по-английски ушел сквозь ближайшую стену.

На кухне замка вовсю кипела работа. Советник, по слухам среди слуг, ждал очень важных гостей, и главный повар старался. Поварята и кухонные работники все в мыле носились туда-сюда, пассеруя, подсаливая и помешивая, взбивая и нарезая.

А еще предстояла грандиозная праздничная неделя. Советник даже дал добро на использование фамильных сервизов. Так что две недели назад в рабочий кабинет главного повара, находящийся при кухне, перебазировался резной бу-

фет с тончайшими сервизами из особого змеелюдского цветного стекла и несколько сундуков со столовыми приборами и посудой из драгоценных металлов с самоцветами. До этого всё находилось в специальном хранилище и не доставалось, наверное, столетий пять, а то и шесть. Видимо, в этом году ожидались гости как минимум королевских кровей.

Повар с любовью и гордостью рассматривал доверенные ему сокровища, представляя, как шикарно будут на них смотреться его кулинарные шедевры. Но тут из недр распахнутого буфета высунулась по пояс сине-прозрачная фигура какого-то мужика и спросила:

– А алхимика мне где искать?

Тоненько взвизгнув от испуга, повар только и мог, что потыкать руками в потолок.

Синеватый мужик кивнул и, взлетев, просочился сквозь каменную кладку.

Повар сел на стул и трясущимися руками вытер фартуком с лица холодный пот. В замке уже не первую неделю происходило что-то странное.

Сначала снабженцы что-то напутали с поставками продуктов. Хотя уверяли, что всё заказанное доставили. Ему пришлось в спешке корректировать и утверждать меню. Потом пропала важная гостья и его, как какого-то преступника, допрашивали про еду и напитки. Потом стража сошла с ума и под видом поимки преступника утащила кучу мяса! А теперь из буфета лезет говорящий и ходящий сквозь стены

странный дядька.

Нащупав на столе любимый половник, повар осторожно приблизился к буфету и храбро прикрыл резные створки. Выдохнув от напряжения, он быстро покинул кабинет и уже на кухне, среди челяди, явно почувствовал себя лучше. Оглядевшись, заметил у кастрюльки с глазурью двух мелких поварят. Маленькие мерзавчики, думая, что их никто не видит, макали туда пальцы и с удовольствием их облизывали. Начальство тихо подкралось со спины, и бам, бам – половник звонко припечатал затылки целей.

– Мелкие жулики, вот я вам! Подворовывать у господ, которые вас и кормят, и поят, и работу дают!

– Мы только попробовать! Вдруг не уварилась? – взвыли пойманные на месте преступления лакомки.

– Пробуют ложечкой! И делаю это я! Брысь чистить лук! Чтобы весь мешок перечистили. И можете потом даже попробовать, вдруг не очистился, – пережив испуг, главный повар, и так не отличающийся мягкостью нрава, стал язвительнее.

Марью решили переселить в другие апартаменты, чтобы не было неприятных ассоциаций. На шею девочке надели большую блестюшку на цепочке.

– А она не потеряется? – Цепочка выглядела ненадежной; как с этим ходить, а особенно спать, Марья не представляла.

– А вы уберите ее за пазуху, – лукаво улыбнулась леди Серина.

Марья последовала совету и сунула кулон за воротник комбинезона. Ей сразу показалось, что украшение намазано клеем. И цепочка, и камень прилипли к телу и теперь абсолютно не сдвигались.

– Со временем совсем перестанете его ощущать, – прокомментировал Абрахам. – Снять его могу или я, или жена, больше никто. На территории замка это абсолютная защита. Правда, – он слегка замялся, но решил продолжить, – это еще и доступ во все помещения, без исключения.

– Обещаю не ходить ночами по чужим спальням и не пытаться похитить ваши сокровища. – Марья сделала честные-пречестные глаза.

Конечно, она не собиралась нарушать границы личных комнат и красть сокровища, но обследовать такой интересный замок и посмотреть на настоящую сокровищницу было, наверное, заветной мечтой всех детей, и ее в том числе.

Время до обеда еще было, и, хотя всем сообщили, что обед будет торжественный, в честь гостей, Марья с фейками и Тимон собрались побродить по замку. Тимон считал, что он и так выглядит на все сто и переодевания к обеду не сделают его шикарнее, чем он есть, фейки были крошечные и всё время окруженные тонкой дымкой пыльцы, а сама Мария Спиридоновна, с детской непосредственностью осмотрев гардероб, решила, что все ее платья очень красивые и наденет она любое, они же новые. Еще будучи пожилой дамой, она не успела поинтересоваться тонкостями замкового эти-

кета на приемах, а теперь, будучи любопытной маленькой девочкой, решительно отмела это как малосущественную информацию. Осмотреть замок было гораздо интереснее.

Поэтому дружная компания вышла навстречу неизведанным приключениям. Хотя сразу после выхода в их рядах случился раскол. Феи уверяли, что самое интересное наверняка наверху, на чердаке. А Тимон считал, что интересное – это сокровища. Сокровища же должны прятаться в надежных замковых подвалах.

Марья поддержала идею подвалов. Нет, не потому, что чердак был неинтересен. Просто у фей и Тимона были крылья, а у Маши только ноги, и те маленькие. Подниматься по множеству лестниц не так весело, как спускаться, особенно если есть возможность прокатиться по перилам.

Вот так, проехавшись по широким и удобным перилам, хохочущая компания влетела в руки странного демона. В балахонистом, местами потертом и подпаленном камзоле, из карманов которого торчали пробирки, щипчики, связки и пучки какой-то растительности, толстых перчатках и надетом на один глаз странном головном уборе. Демон разглядывал охапку мелкоты, свалившуюся к нему в руки, а Мария Спиридоновна – странную шляпу. Сооружение на голове напоминало гриб-паразит чагу. Оно плотно охватывало фигурно изогнутым металлическим ободом левую часть головы, ткань сверху была забрана в тяжелые причудливые складки, а на глаз свешивалась расплавленная металлическая капля с

выпуклой сферой. В сфере что-то искрилось и двигалось. С правой стороны на голове торчали клоками нечесаные волосы, местами от чего-то слипшиеся и криво подстриженные.

Опознать в этом индивидууме местного алхимика можно было, не сильно напрягаясь, правда, оставался еще вопрос его психической вменяемости.

Компания вежливо поздоровалась и представилась. Дядька не впечатлился, что девочка – это бабушка, феи были удостоены чуть большего внимания и вопроса:

– А вот эту пыль вокруг можно в пробирочку натрясти? У меня тут как раз свободная в кармане.

Решив, что особой беды не будет, добрые малютки сыпанули от души. Зачихавший демон радостно закупорил полнехонькую пробирку, не забыв поинтересоваться о последующих партиях для исследований. Тут Марья, опередив феек, тоже сказала свое веское слово:

– Нам-то не жалко, но интересно, что вы там наисследуете! Можно потом узнать?

Похоже, на улице перевернулся грузовик шоколада, по крайней мере, одинокий и мало кем понятый алхимик почувствовал небывалый прилив энтузиазма от интереса молодого поколения. А получив согласие Тимона на обследование и беседу и узнав, что профессор академии целитель Бяо интересуется его трудами, он просто пришел в экстаз. Объяснив, как потом попасть к нему в лабораторию, он поинтересовался, не знают ли они о странном явлении.

– Ко мне в лабораторию проник синий человек, прямо через стену. Сначала просил сделать его твердым, но из окаменения выплыл и сильно ругался. У меня теперь статуя его посреди лаборатории. А когда я пытался взять от него кусочек субстанции на анализ, завизжал и улетел, вопя про врачей-коновалов. Что это было, вы не знаете?

Мария Спиридоновна попыталась объяснить, что такое привидение.

– Ну это типа духа, но как бы воплотившегося вот в такую призрачную штуку, – она сама не очень знала, что это.

– О-о-о! Мне надо исследовать это! Вдруг такая штука пригодится в моих работах!

– А как вы его ловить будете? – Тимон, как всегда, был настроен более чем практично.

– Да-а-а… А если у вас такие водятся, то как их ловят? – спросил он у Марьи.

Мария Спиридоновна могла бы сказать, что не водятся и не ловят. Но ведь привидение она видела своими глазами, и все видели, может, они и на Земле тоже есть. А маленькая Маша в ней вспомнила замечательную навязчивую мелодию из фильма «Охотники за привидениями» и, напев ее под нос, стала пересказывать про снаряжение этих охотников. Про такие засасывалки, и хранилище, и удерживатели с молниями.

Впечатленный алхимик направился к себе изобретать снаряжение, бубня под нос привязавшуюся мелодию.

А Марья, объявив, что в замке теперь есть не только привидение, но и охотник за привидением, повела всю компанию дальше к подвалам.

Дверь, преградившая им путь, была внушительной, с металлической оковкой и очень массивной на вид.

Марья решительно потянула ручку на себя.

Глава 8. Находки и потери

Призрак висел в подвале замка, сглатывая слюну и судорожно вздыхая. Он находился не просто в подвале, а в огромном, прекрасно оборудованном винном погребе. Бочки и бочонки, стройные ряды бутылок на специальных стеллажах, покрытые вековой пылью кувшины и амфоры с залитыми чем-то похожим на сургуч горлышками – и всё это богатство было ему недоступно. Он честно пытался, пролетая через бочку, почувствовать хоть что-нибудь. Ничего! Успел даже вспомнить бессмертного Шекспира и его «Ричарда III»: участь утопленного в бочке мальвазии герцога казалась ему пределом мечтаний.

Даже поняв тщетность своих попыток, Петр Егорович просто не в силах был покинуть это сакральное для любого алкоголика место. Еще и рука зудела. Локоть в призрачном свитере чесался и налился фиолетовым как синяк. Понятно, что у свитера не может быть синяка, а у призрака тем более. Но встреча с явно съехавшим с катушек ученым оставила видимый и весьма раздражающий след.

Сначала, найдя лабораторию, он обрадовался. Мужик в лаборатории вроде тоже был рад и с виду заинтересован помочь, но явно чего-то не понял. На просьбу сделать его твердым – ну любому же ясно, что материальным! – дядька опрыскал его какой-то жижей. Петр Егорович покрылся ка-

менной коркой, но, слава богу, не успел испугаться, так как, задергавшись, просто вылетел из этой скорлупы. И только сейчас заметил знакомый фанатичный блеск в глазах алхимика. Такой блеск он видел в глазах своего бывшего преподавателя в анатомичке, когда им на лабораторную привозили очередной неопознанный труп «с историей».

В общем, когда этот маньяк от алхимии кинулся к нему со своими инструментами, то пришлось срочно сматываться. Правда, вот за рукав чем-то зацепил. Теперь зудело.

Чокнутый замок. Пока летел, его дважды пытались поймать стражники, просто пролетел насквозь этих болванов. Потом встретился какой-то демон с дамой. И если дама завизжала и, задрав юбки платья, попыталась за ними спрятаться, открыв прекрасный вид на ножки в кружевных чулках, то демон оказался магом и запустил в него лиловым сгустком магии. Судя по круглым глазам демона, он ожидал не тот эффект, но привидение потом еще долго икало и шло рябью, как ненастроенный телевизионный канал. Пришлось нырять в подвалы. И вот итог. Боль души! Но зато тут спокойно и никто не мешает.

Маша и компания дружно ворвались в просторное помещение, оказавшееся замковой кухней. Тимон был разочарован несбывшимися надеждами, фейки учуяли любимые сладости, а Марья просто во все глаза разглядывала это великолепие. Настоящие, похожие на русские печи соседствовали с магическими плитами. Огромная каменная жаровня с

массивным вертелом располагалась рядом с каким-то странным сооружением из кипящих горшочков размером с куриное яйцо, висящих гроздью. Гигантские кастрюли и крошечные мисочки, грубые горшки и резные хрустальные розетки, а также баночки, мешочки, коробочки и связки трав, груды овощей и кучи мясных ингредиентов – чего здесь только не было! А уж о столе с готовыми или почти готовыми блюдами и не говорим. Пахло там умопомрачительно.

Сначала компанию замершей у двери малышни никто не заметил, но потом раздался трубный рев разъяренного повара:

– Мое суфле! Какая гадина не закрыла двери?! Кто еще не понял, что кулинария – это искусство и надо бережно относиться к шедеврам, особенно если ваши кривые руки не в состоянии их сделать даже через тысячу лет! Как я теперь подам на стол лорда вместо воздушного облака десерта эти сплюснутые кривые блины! – И тут он, развернувшись и подойдя ближе к дверям, наконец увидел причину своего кулинарного фиаско.

– Чей это ребенок? Кто пустил сюда ребенка, да еще и с выводком питомцев?

Надо сказать, что повар был слегка подслеповат. В свое время, чтобы получить должность и показать себя высококлассным профессионалом, он принял парочку полулегальных эликсиров для усиления обоняния и осязания. Как всем известно, это не проходит бесследно и всегда имеет обрат-

ную сторону. В случае с поваром всё, что находилось дальше двух-трех метров, принимало слегка расплывчатые очертания. На работе, впрочем, это не отражалось, вблизи он прекрасно видел. Своих работников узнавал в любом углу кухни и по запаху и движению сразу определял, помешивают ли они соус, чтобы не пригорел, или нагло подъедают хозяйскую еду.

Марью он идентифицировал сразу: маленькая девочка, явно не из прислуги. А вот маленькие фейки и Тимон были восприняты как какие-то экзотические зверьки. Тем более его занимали более важные вопросы: как девочка прошла на кухню и что делать с погубленным суфле. Но то, что он принял за одного из зверьков, вдруг, подлетев ближе и оказавшись шикарно одетым маленьким скелетом с крыльями и тростью, предъявило претензии:

– Я не понял, уважаемый, где вы увидели выводок питомцев? У вас принято оскорблять гостей, сравнивая их с животными, если они отличаются от обычных габаритов вашей расы? Мы личные гости лорда советника! Мария Спиридоновна, феи Ниле и Эм, а я родственник этих дам и господина, костяной полуфей Тимон. – В замке, дабы не упасть в грязь лицом перед дамами, а особенно перед женщиной мечты, скелетик решил быть предельно вежливым и блистать манерами. Сейчас, представляя всю компанию и не зная, как назвать себя, он изящно вывернулся, замяв степень родства и придумав себе новую расу.

Главный повар служил у советника давно и понимал, что такое личные гости! Он раскланялся самым куртуазным образом, складываясь чуть ли не пополам, и весьма изысканно попросил простить его.

– Поймите меня правильно, когда твой кулинарный шедевр вдруг превращается вот в это… – Он с видом, достойным главного героя какой-нибудь драмы, показал им то, что когда-то было воздушным десертом. – На кухню могут пройти только хозяева, управляющий, экономка и работники кухни. Или стража, но у них должен быть личный приказ лорда советника, но лучше бы стража сюда не ходила. – Он вспомнил последний налет этих мужланов, оставленный ими бардак, поломанную мебель и конфискацию половины мясного запаса кухни. Причем когда им вернули мясо, то только сырое. Готовое, вкусное и прекрасно прожаренное, как он подозревал, исчезло по дороге в чьих-то бездонных желудках.

– Ну еще кто-нибудь может не закрыть дверь, – резонно заметил Тимон.

– Нет, это практически исключено! – Все знают, что это первое правило. – Разве что леди Серина. Она такая, – повар слегка замялся, – рассеянная. Но она давно не появлялась на кухне.

И тут всех отвлекла наконец решившая задать вопрос Мария Спиридоновна. До этого она долго разглядывала всё и с наслаждением принюхивалась к кухонным запахам, наблюдала за работниками, косящимися в их сторону, но продол-

жающими выполнять каждый свою работу. Но когда повар драматическим жестом предъявил им то, что осталось от его суфле, она не выдержала:

– А можно попробовать?

Сдувшееся суфле продолжало вкусно пахнуть и выглядело хоть и плоским, но весьма аппетитным. Круглый такой блинчик слегка неравномерной толщины.

Удивленный повар пытался объяснить, что всё испорчено и это можно только выбросить.

Марья не терпела пустой траты продуктов и как настоящая русская женщина знала, что если из «какули» конфетку делать бесполезно, то из чуть неудачного, но хорошего продукта вполне возможно сотворить приемлемое блюдо. Блинчик видом и запахом говорил в свою пользу, надо было попробовать кусочек.

– Только маленький кусочек, ну пожалуйста.

Повар пытался предложить малышке уже готовые свежайшие пирожные, воздушные безе и мороженое из надерна, но упрямая девочка настаивала на «испорченном» продукте. Пришлось подчиниться.

Был освобожден угол стола для готовых блюд, поставлены сладости и налит чай. Фейки вились над безе, как пчелы над медом, они такого еще не пробовали. Хрупкие, сахарные, похожие на комья снега пирожные привели их в восторг.

То, что когда-то было суфле, положили на десертную тарелку и поставили перед Марьей. Повар лично преподнес

милой малышке десертную вилочку и нож. Отрезав кусочек, Мария Спиридоновна поняла, что на вкусе исчезновение воздушности практически не отразилось.

– А у вас есть какие-нибудь ягоды, фрукты, сиропы?

Главный повар только обиженно взмахнул руками. Перепробовав кучу разноцветного фруктово-ягодного разнообразия, Марья решительно выбрала несколько видов мелких ягод и похожий по вкусу на персик фрукт, только нежно-голубого цвета. Насыпав ягодки на «блинчик» и добавив уже порезанный недоперсик, она полила всё это понравившимся сиропом с любимым шоколадным вкусом. Потом сложила всё пополам, добавила шарик мороженого и несколько ягодок. И, немного подумав, нарисовала пару зигзагов сиропом, обмакнув в него вилку.

Повар с интересом разглядывал яркое сооружение на тарелке. Когда он еще учился, то много путешествовал для изучения кулинарного искусства разных народов и бывал у северян. Там пекли из жидкого теста блины, и в первоклассных тавернах их подавали похожим образом. Но то блины, а это было только с виду похоже на блин.

Марья, отрезав кусочек и постаравшись зацепить вилкой всё, отправила это в рот. И сразу же маленькую порцию подтаивающего мороженого. Довольно прижмурилась и предложила повару попробовать. Тот, достав персональные приборы, аккуратно тоже подцепил себе кусочек.

Блинчик из суфле был достаточно нежным, вкус ягод и

фруктов прекрасно сочетался, давая к сладости сиропа освежающую кислинку, а мороженое смягчало своим молочным вкусом яркую нотку шоколада.

– Очень вкусно, – вынужден был признать он.

– Не обязательно портить суфле, но если оно не удалось, то можно попробовать исправить, – объяснила ему Марья. – Если пострадал внешний вид, а сам продукт хорош, то выкинуть – это неуважение к вашему же труду. Очень много новых рецептов как раз рождались из таких, казалось бы, неудач!

Слышать такое от крошечной девочки было странно и немного неприятно, всё же когда тебя, кулинарного гения, пытается учить готовить ребенок… это бьет по самолюбию. Но Тимон, который не мог питаться в силу своих особенностей, пояснил:

– Наша бабуля много всего знает! – И, видя удивление повара, вкратце пересказал ему превращение бабушки.

У повара слегка отлегло от сердца: все-таки слушать поучения от пожилой леди вполне приемлемо.

А Тимон тем временем решил поинтересоваться, что еще интересного есть на нижних этажах. Ну чтобы зря не ходить. Помимо винных погребов и кладовых там еще были старые оружейные хранилища, пару помещений занимали фамильные ценности типа портретов очень дальних предков, свадебного платья пятиюродной бабушки, колыбели первенца прапра…прадедушки советника. Короче, все те вещи, что не

пригодятся, а выкинуть жалко.

Наша компания решила, что стоит на это взглянуть.

– Свежий взгляд! – Тимон важно объяснил всем окружающим, как это важно. – Возможно, если взглянуть на вещи по-новому, там можно найти что-то достойное.

После мастер-класса с суфле повар был склонен ему верить, хотя считал, что вряд ли хозяева запихнули туда хоть что-то мало-мальски ценное. Но что взрослым хлам – детям вполне сокровища.

– Вы только аккуратнее, тут какой-то дядька синий через стены и шкафы лазает, – счел нужным предупредить их повар.

– Да мы знаем, он в принципе безобидный. Только и умеет, что ругаться да через стены ходить, – отмахнулись храбрые маленькие приключенцы, прощаясь с поваром и кухней. – На него теперь алхимик будет охотиться, – поделились они интересными сведениями.

– О-о-о! – только и мог сказать повар, зная увлеченность замкового чудика от науки и магии.

А в академии прямо перед главным зданием приземлился огромный летающий ящер. Его украшал шикарный гребень из густых и длинных игл боевой ипостаси, блестящая и яркая, особенно на фоне снега, пурпурная чешуя и гигантские кожистые крылья с родовыми знаками, переливающимися в проглядывающих сквозь серые тучки лучиках зимнего солнца.

– Мог бы и не красоваться! Все на каникулах, – стоящая на крыльце Эртониза не упустила случая поддеть любимого папочку.

– Ну, здравствуй, дочь, – переходя в гуманоидную ипостась, дракон пропустил иронию мимо ушей.

Глава 9. Странности множатся…

В зимнем парке на академической территории хорошо размышлялось. Размышлять дракон любил и за прожитые тысячелетия находил в этом своеобразный признак хорошего вкуса. Ведь существо, способное и любящее думать и анализировать, достаточно высокоинтеллектуально и точно хороший собеседник. По его мнению, лучшего собеседника для него, чем он сам, не существовало. Интересующая его женщина гостила у демонов, причем гостила по личному приглашению лорда третьего советника.

Конечно, дочь не сообщила ему об этом факте в надежде, что он, не найдя нужное, отправится восвояси и потом вовсе отменит свои планы. Видимо, общение со студентами не отучило ее от подростковой наивности, хоть она и смогла добиться поста ректора МАСМ.

Ожидание – это прекрасное время для продумывания стратегии. Медленно и вдумчиво, шаг за шагом, составляя план и узнавая нужные сведения.

Внезапно из плавных размышлений его вывел странный немелодичный, хрипло-гортанный повторяющийся звук и аромат цветов, не вписывающийся в картину заснеженного парка. Повернувшись, ящер увидел странное зрелище.

По аллее, бодро притоптывая босыми ногами по снегу, шел тролль. Одной рукой он прижимал к груди ящик с за-

крытыми магическим куполом цветами, в другой нес некромантскую лопату, бодро помахивая ей в такт немелодичным звукам, издаваемым им же.

Дракон озадачился.

Возможно, цветы для девушки? Свидание? Но тогда зачем лопата? А звуки – заклинание? Тогда лопата понятна, но зачем цветы? И вообще каникулы! Какие заклинания и лопаты? Это тролль, его в такое время может волновать только что бы поесть и выпить! И на свидание он скорее букет колбасы принесет!

Тролль попытался обойти возникшего на пути незнакомца. У него было важное дело, а еще подмерзали на снегу голые пятки.

– Простите, вы студент? – Дракон решил не мучить свое любопытство и заодно наладить контакт с местными студентами-некромантами. Форма явно давала понять принадлежность к факультету.

– Угу.

– А могу я задать вам несколько вопросов?

– Зачем? – Любопытных незнакомцев Винни не любил.

Дракон же не любил лаконичные ответы, особенно если они вопросы. Видимо, стоило представиться.

– Я Тионизон Д'азфир, отец вашего ректора и, возможно, на какое-то время ваш преподаватель.

Тролль остановился и оперся на лопату. Чуйка ему подсказывала, что с таким товарищем лучше не конфликтовать.

По крайней мере сразу. Пока тот еще ничего не сделал.

– Ну?

– ?

– Вы, – Винни решил быть вежливым, – вопросы хотели задать. – Он поворошил снег пальцами голых ног.

Дракон проследил за этим действием и спросил совсем не то, что собирался:

– А почему вы без обуви?

– Так я и без носков.

– Да. Почему вы босой?

– Виолетта Дифинбахиевна сказала, что так лучше приживется.

Тионизон понял, что ответы на вопросы только больше его запутывают, троллья логика им не изучалась, и, похоже, зря. Ход мыслей данной расы, оказалось, был способен поставить в тупик дракона. Спрашивать, что не приживется, он не стал и решил зайти с другого конца.

– А вот ваши… м-м-м… звуки – это заклинание?

– Не. Это песня. Отличная! Наши поют, группа «Тролль гнёт ель». Вам понравилось?

– Э-э-э… Колоритненько так. Необычно.

– Вот! Виолетта Дифинбахиевна сказала, что надо петь, иначе не приживется! Только не так, как обычно тролли поют, ну вы понимаете? А тут как раз такая группа, и песни необычные.

– А Виолетта Дифинбахиевна – это кто?

– Так декан природников.

Наконец-то мозаика начала складываться. Декан природников, не приживется, цветы и лопата! Но тролль-некромант?

– А почему природники сами не сажают?

– Так я напортил, я и сажаю. Наказание профессор Рорх назначил, я же его клумбу оборвал.

Странная тяга тролля к цветам тоже являлась загадкой. Винни же уже демонстративно притоптывал замерзшими ногами. На клумбе-то, поди, у Рорха тепло.

– Ты не возражаешь, если я пойду с тобой и помогу? Заодно поговорим. Мне же надо понять, что тут и как у вас делается.

Винни, конечно, согласился. Ноги замерзли, да и похвастать посадкой цветов с настоящим древним драконом, приходящимся отцом самой Эртонизе… Лисовские от зависти помрут.

Так клумба на кладбище приняла прежний шикарный вид, а дракон обзавелся множеством разрозненных и противоречивых сведений и слухов. Троллья логика всё же требовала изучения, поскольку некоторые вещи дракон не понял совсем. Как например:

– И это не дух, и не бабуля. А синий прозрачный мужик-комендант, а комендант – бабуля, а он не бабуля, а вообще привидение!

Но были там и нужные сведения. О том, что бабушка ис-

чезала и вернулась младенцем. И сейчас она у демонов второй раз, и не как в первый, бабушкой, а маленькой девочкой. И про мутации тоже. И почти всех доченька послала подальше к его приезду. И целителя, и Кронова, а распрашивать Рорха просто так не получится. Впрочем, где-то еще есть домовой… Дракон усмехнулся про себя.

– Пока ничья, доча. Пока ничья. И ты об этом не знаешь!

Упомянутый драконом Рорх в это время сидел в целительской лаборатории и педантично, как и обещал профессору Бяо, заносил наблюдения о своем состоянии в журнал.

– Стал испытывать ностальгию по годам учебы на целительском. Полчаса играл на арфе и понял, что скучаю по прапраправнучке. Пять минут разглядывал вышитую ей подушку, присланную на прошлые праздники. Решил пригласить в гости. После разговора по сфере глаза стали влажные, собрал влагу на анализ. Образец 358, шкаф С.

Рорх захлопнул журнал и решил прогуляться до кладбища. Виолетта говорила, что ей прислали наконец-то рассаду, и сегодня тщательно проинструктированный тролль должен вернуть клумбе ее первозданный вид.

Подходя к кладбищу, он заметил вышедшие из него и удаляющиеся две фигуры. Одной был студент-тролль, а вот во второй лич с удивлением узнал Д'азфира. Ректор не говорила, что ждет родителя. Значит, дракон прилетел неофициально. Зачем? Зная этого вечно скучающего старого интригана, точно не просто так! Надо быть настороже и спросить

тролля, о чем они говорили. Ну не о цветах же и кладбище!

Проводив их взглядом, пока не скрылись из виду, Рорх пошел проверять клумбу.

А в замке наши искатели сокровищ уже целенаправленно подошли к двери первого помещения с замковыми раритетами, сложенными там за ненадобностью.

И тут Марья испытала одно из счастливейших переживаний, которое может ощутить только взрослая женщина. Пока они шли, она весело обсуждала с остальными, что там может быть интересного. Но стоило взяться за дверную ручку, как моментально включился житейский опыт. Там же пыли, наверное, по колено! А может, и света нет! Однако отступать было поздно, и компания вошла в помещение. Счастье – это когда чисто! Пыли не было, свет был. Кайф! Можно рыться в грудах восхитительного старья и не думать о последующей уборке и стирке.

Чего там не было, так это порядка. Повсюду громоздилась поломанная мебель, валялись кучи одежды, посуда и игрушки. Из-под какого-то жуткого балахона с рюшками цвета гнилой ботвы Марья откопала изумительный секретер с изящной инкрустацией перламутром на ящичках. На одном ящичке потерялась ручка, и еще в трех местах недоставало кусочков перламутра. И из-за этого вещь отбраковали как старый хлам!

Ниле вцепилась в кукольную мебель.

– Такой мебели даже у нас на Зачарованной поляне не бы-

ло! Смотрите, она расписная!

Видимо, мастеру не хотелось вырезать тончайшие узоры на крошечных шкафах и он, подойдя к делу творчески, вывел на створках замысловатые изящные завитки серебряной краской.

Эм с Тимоном пытались вытащить из-под наваленного барахла старинное зеркало. Мария Спиридоновна пришла на помощь, и зеркало достали. Большое, почти с маленькую Машу, в резной раме, на которой посверкивали гранями разноцветные камешки. Они-то и привлекли хозяйственного скелетика. Зеркало прислонили к стоящему рядом сундуку без крышки, и Марья, конечно, не удержалась:

– Свет мой, зеркальце, скажи…

– Чего, бабуля, совсем в детство впала?! – Сквозь пол, сундук и зеркало просочился призрак и не упустил момента поязвить. А уж вылезти из центра зеркальной поверхности – это вообще было святое.

Петр Егорович был крайне раздражен своим состоянием никчемности и ненужности. Конечно, оно и раньше накатывало на него временами, но прекрасно топилось в напитках разной степени градусности. А в периоды просветления он считал, что вот-вот придумает себе занятие, которое перевернет всю жизнь, и о нем еще заговорят и зауважают. Теперь он точно был уверен, что нет. Его никчемность окончательная. И поэтому все окружающие его сильно раздражали, всё, что он мог, это поязвить и поплеваться ядом в слишком

довольных, по его мнению, индивидуумов.

– Лети отсюда, синева! – Тимон, конечно, не мог смолчать в этой ситуации.

Фейки же закружили вокруг призрака, своим поведением напоминая голодных акул, только с крыльями и в микроформате.

– Я бы попросил… – После неудачи в винном погребе Егорычу уже всё было трын-трава. – Ты бы за своей дамой сердца лучше следил, костлявый. От тебя же тоже, как от меня, толку нет, а женщины – они… такие… – он многозначительно закатил глаза, – непостоянные. Она там так мило щебечет о моде и стиле с каким-то франтом… И заметь, он высокий, и кости у него наружу не торчат.

Призрак изобразил злодейский хохот и успел нырнуть в пол прямо через сундук, спасаясь от атакующих фей. Несомненно, это подняло ему настроение. А еще где-то в замке есть дамские будуары…

Тимон со всех ног и крыльев рвался наверх, туда, где какой-то легкомысленный франт задурил голову его трепетной Азалии. О том, что Азалия сама заговорит кого угодно и ей, в силу возраста и жизненного опыта, сложно вскружить голову разговорами в сфере, где она профи, он даже не думал. В его представлении она была не только его мечтой, но и большинства окружающих мужчин. Наивная и хрупкая, в окружении вероломных и злобных ловеласов, способных только разбить ей сердце. Поэтому Тимон, оставив далеко позади

не успевающую за ним компанию, влетел в музыкальную гостиную, откуда из-за полуприкрытой двери доносился голос дриады.

Этот нахал целовал ей руку! Ревность застит глаза и ослепляет не хуже яркой вспышки.

– Да как ты смеешь! – Взмах, слава богу, не тяжелой трости – и «соперник» с криком хватается за подбитый глаз, с ужасом разглядывая здоровым злобно глядящего на него скелетика с крыльями.

– С ума сошел! – от Азалии.

– Тимон, он женат! Вот рядом его жена! – от наконец прибежавшей и запыхавшейся Марьи.

– Ах! – от незнакомой Тимону дамы, которую он не заметил и которая осела в кресло, лишившись чувств.

– Дурдом, палата номер 6, – от довольного и хохочущего призрака, который специально за ними следил.

И сдвоенный залп фейской артиллерии, с пролетом призрака насквозь и рассыпанием пыльцы.

В этот раз Беспалова закрутило калачиком. Пятки приклеились к макушке, и висел он, махая в воздухе руками. Зачем – неясно, но махал весьма энергично и, пытаясь скрыть свой испуг, так же энергично вспоминал идиоматические фольклорно-матерные выражения родного языка. Вопя таким образом, призрак скрылся в ближайшей стене, и к еще слышным ругательствам прибавился дамский визг.

Спустя минут десять удалось во всем разобраться и наве-

сти порядок.

Люсьер – а это, конечно, был он, кто же еще из мужчин заинтересуется дамской модой? – сидел с подбитым глазом. Фингал вокруг него принимал весьма символическую форму черепа. Пришедшая в себя Линда хлопотала вокруг мужа и с опаской косилась на Тимона. А сам виновник удрученно выслушивал нотации от женщины мечты и бабушки Маши. Фейки, довольные собой, наблюдали за этим спектаклем.

О косяк бабахнула дверь, и в комнату ворвался взъерошенный алхимик. Обмотанный странными трубками и проводками, с летающими вокруг квадратного ящичка за спиной светящимися сферами, с чем-то вроде большой букашки с длинными подвижными усами в одной руке и каким-то кубиком в другой. Лихорадочно водя «насекомым» во все стороны, он обшаривал глазами помещение.

– Опять не успел!

Опыта у первого в мире охотника за привидениями пока было маловато.

Глава 10. Пока одни едят, другие рожают

Для всех не особо знакомых со светским этикетом торжественный обед – это пытка. Чинно и благородно сидящие гости, куча столовых приборов и перемены блюд.

Марию Спиридоновну разодели как куколку, и чувствовала она себя соответственно, сидя под прицелом многочисленных любопытных глаз на высоком удобном стульчике в красивом, но страшно неудобном платье из шелка и пены кружев. Азалия творила прекрасные вещи, но ткани стрейч для таких торжественных обедов в этом мире не существовало. Поэтому Марья грустно ковырялась в тарелке, тем более любопытство окружающих, буквально смотревших ей в рот, тоже не лучшим образом сказывалось на аппетите. Слева расположилась невозмутимая кикимора, ее удовольствие от поглощения пищи ничто не могло испортить: Манефа была уже в том прекрасном возрасте и статусе, когда общественное мнение абсолютно неважно. А возможность эпатировать рафинированную публику прекрасно сойдет за развлечение.

На крепких зубах хрустнула кость отлично прожаренной дичи – ну а что? Леди изволит любить костный мозг. Сидящая напротив дамочка с пышно взбитыми в прическе кудрями и умопомрачительным декольте брезгливо передерну-

лась. Она повернулась к сидящему рядом Кронову и, демонстрируя товар лицом, слегка наклонилась. Изящная ручка указала на стоявшее рядом с вампиром блюдо с овощным гарниром, напомаженный ротик мило защебетал:

– Вы не могли бы?.. Благодарю вас…

И только она хотела закрепить перспективное знакомство, начав светскую беседу, как вампир, видимо отметив ее реакцию на манеры кикиморы, спокойно подцепил с блюда тушку мелкой птички и, проигнорировав нож, разорвал ее руками пополам.

Дама вздрогнула от такого варварства, но отступать не хотела. Судя по некоторым украшениям на парадном костюме, вампир был из знати и довольно состоятелен. Тем более муж-вампир – это так интересно и необычно. Она снова сделала попытку начать разговор:

– А вы к нам надолго с визитом? – И мило захлопала ресничками.

Вампир ругнулся про себя и, схватив половинку тушки, смачно принялся жевать вместе с костями. При этом он соизволил повернуться к даме, старательно игнорируя декольте, и буркнул между энергичными движениями челюстей:

– Нет.

Тут вдруг активизировались другая дама, весьма эксцентричного вида, в бордовом платье, практически идентичном цвету ее волос. Волосы были накручены на странную конструкцию зигзагообразной формы. Казалось, что голову да-

мы проткнула волосатая бордовая молния.

– А где та старушка, которая обещала нам драгоценности за какой-то хлам? – надменно-писклявым тоном осведомилось это чудо дизайнерской мысли.

– За победу в игре, леди Кло, – спокойно ответила леди Серина. – Игра скоро состоится, советую внимательно прочитать выданные вам правила. А Мария Спиридоновна вот, правда, она немного… приболела и лечить пришлось по новому методу. Через омоложение. – Заметив загоревшиеся на слове «омоложение» глаза дам, она добавила: – Специально разработанному для людей.

Столько хищных взглядов, направленных на нее, Мария Спиридоновна не ощущала никогда в жизни. Такое впечатление, что приз находился у нее внутри и дамы приглядывались, как половчее начать потрошить. Жуткие ощущения, она всем своим организмом впервые ощутила нечеловеческую природу этой расы.

– А она сможет провести игру? Ведь она такая маленькая? – Мурлыкающий голос стройной брюнетки в золотистом намекал, судя по взгляду, не на рост и возраст, а на умственные способности.

Впрочем, Марию Спиридоновну это даже не задело: она не собиралась мотать себе нервы в этой битве с «серпентарием», а хотела спокойно и весело провести время в замке.

– А игру будут проводить мои подруги. – Она мило улыбнулась. – Манефа Ауховна и Азалия.

Девочек она заранее не предупредила, но надеялась, что они ее поймут и даже смогут повеселиться.

Кикимора приветливо замахала дамам полуобглоданой косточкой и улыбнулась, обнажая желтоватые клыки, демонессы впечатлились. На такую судью в игре ни надавить, ни повлиять. Про Азалию в этом плане речи вообще не шло, и так чуть не лишились нарядов на праздники.

Общество принялось обсуждать предстоящее событие, но тут в зале появился бледный главный повар и, бочком прокравшись к советнику, что-то сказал ему на ухо. По мере рассказа за выражением лица лорда следили все присутствующие.

Сначала он сверкнул взглядом и нахмурился, потом недоуменно поднял одну бровь и скептически сощурился, затем его глаза то округлялись, то вновь щурились, уже обе брови шевелились, словно выполняли танцевальные па. В итоге он гневно покраснел и указал повару глазами на дверь.

Сообщив присутствующим, что ненадолго оставит их, дела требуют, он вышел из зала.

Может быть, ужин так и закончился бы спокойной беседой и никто ничего бы не узнал, если бы не вездесущий злорадствующий пролетающий сквозь зал Петр Егорович.

У привидения пятки от головы отклеились. Алхимика со снаряжением он еще не встретил, а вот на кухню заглянул, навещая любимый винный погреб, и ему было что сказать разряженной жующей публике.

– А десертики-то у вас сперли! Остались вы без сладкого, дамы и господа! Или у вас поработала банда Винни-Пухов, или ловите на крыше нелегального эмигранта Карлсона! – он радостно заржал над собственной шуткой, которую никто не понял, кроме Марьи, и с воплем: «Сахар – белая смерть!» – взлетел вверх, просочившись сквозь потолок.

Пантелеймон несся по парку с несвойственной ему прытью. Обычно он ходил степенно, важно опираясь на трость или помахивая ей в периоды прекрасного настроения. Сейчас домовой был без трости, взлохмаченный и нервный. В общежитии природников, куда он сначала прибежал, никого не было. Виолетта Дифинбахиевна ушла по своим делам в город, а Манефа уехала с Марьей. Бедный домовик не знал, у кого просить помощи, и со всех ног бежал к главному зданию в надежде найти хоть кого-то.

У общежития бытовиков, сурово хмуря брови, комендант Пыжик разговаривал с незнакомым драконом. Расу выдавала шевелюра: только у драконов в гуманоидной ипостаси была такая структура волос. В отчаянии Пантелеймон кинулся к Петру Семеновичу, все-таки бывший военный мог хоть совет дать.

– Помогите! Выусни! Нюша… – Он остановился и пытался отдышаться, переводя дух. – Что-то случилось. Она в гостиной за диваном, и ей больно. Она так пищит и стонет, Василий скулит и нервничает. Я ее вытащить не смог. Нет, она не застряла. Ее всю трясет. Помогите. Виолетты Дифин-

бахиевны нет, и Манефы Ауховны тоже.

– Бяо тоже уехал, но должны быть и другие целители. Хотя бы декан, идемте. Извините, господин Д'азфир, ситуация требует моего вмешательства. Разговаривать с вами о делах академии я буду в случае прямого распоряжения ректора или после назначения вас на должность, как с коллегой. С посторонними, извините, я о происходящем в нашем учебном заведении беседовать не намерен. – Пыжику не понравились расспросы дракона, представившегося отцом ректора. Знакомы они не были, ректор их не представляла, и вопросы были крайне подозрительные.

Просивший о помощи домовой был отличным поводом достаточно вежливо закончить неудобный разговор.

Дракон был весьма раздосадован, но кивнул. Свою помощь тоже не стал предлагать, решив, что это чересчур. Да и животных он особо не любил, не видел в их присутствии рядом никакого смысла.

До целителей комендант и домовой дойти не успели. Почти у главного корпуса гоблин-завхоз спорил с Рорхом об оплате рассады для клумбы на кладбище.

– Имейте совесть, Марк Радимирович, мы вам сажали рассаду, платили деньги. Ну тролль ее оборвал, и стало некрасиво, но зачем требовать с академии новую рассаду? А если ее еще кто-то оборвет? Так и будет круговорот денег и рассады? Это замкнутый круг, который ведет к банкротству!

– Пафнутий Саврасович, Виолетта Дифинбахиевна уже

заказала цветы, и их даже высадили. Заявку ректор подписала, надо оплатить счета. Клумба является украшением кладбища при академии, академической собственностью, и расход по уходу несет академия.

Прижимистому завхозу явно не нравились расходы на клумбы среди зимы, но резон в словах лича имелся, как и подписанная ректором заявка у него в руке.

Едва Пыжик и домовик приблизились, Рорх резко повернулся к Пантелеймону. Глаза стали заполняться зеленым свечением, а руки – окутываться туманной дымкой.

– Пантелеймон, что происходит?

Рассказ домового занял пару минут. Лич вспомнил, когда видел парочку выусней в последний раз, и сообщил всем причину:

– У Нюши просто начались роды, но надо всё же присмотреть на всякий случай. Я, конечно, давно уже не целитель, но знания по целительству всегда со мной.

– Да как же роды? – Растерянный домовой не мог никак уложить в голове такую новость. – Она разве была беременна? Я же должен был заметить!

– А то, что она стала как меховой шар, в два раза толще Василия, ты не заметил?

– Так питалась хорошо.

– Вот-вот, и питалась хорошо, и за диваном в гостиной себе место обустроила.

– Я думал, что им с Васей в разных комнатах неудобно,

то у Марьи, то у Си'лэ, вот они и решили в общей гостиной поселиться.

Так, за разговорами, они подошли к общежитию некромантов.

Нюша за диваном напоминала гигантский помпон. Она дышала тяжело и пищала сиплым плачущим голосом. Рядом поскуливал растерянный Василий.

Лич вспомнил всё, чему его учили на целительском, когда он был еще молодым и вполне живым человеком. И решил для начала просто провести осмотр и с помощью способностей лича поглотить у животного страх как эмоцию, чтобы Нюше стало легче. Но едва он положил ладони на пушистый шар живота, как с рук исчез туман и высушенные кисти лича засветились ярким белым светом. Так выглядела только целительская магия! Единственная не доступная личам после смерти!

Марк Радимирович, несмотря на шок, быстро пришел в себя. Все-таки опыт и возраст – это две составляющие, помогающие быстро принимать решения в большинстве случаев, если вы не в маразме. А у личей маразмов не бывало никогда.

Руки работали, память послушно подсказывала нужные действия, магия заполняла пространство, помогая, успокаивая, обезболивая и направляя схватки.

В итоге рядом с изрядно схуднувшей молодой мамашей копошились четыре крупных пушистых светло-серых комка

с черной полоской вдоль спины и редкими густо-фиолетовыми крапинами.

Пол у новорожденных выусней, как важно сказал Пантелеймон, проявляется на второй неделе. Мех на хвостах начинает распушаться по-разному. У самцов – равномерно по всему хвосту, а у самок только на конце в виде помпона. Книга про выусней была у домового настольной и зачитана чуть ли не до дыр, но вот ввиду отсутствия каких-то характерных особенностей в период беременности саму беременность он прошляпил.

Профессор Рорх сидел на полу, оперевшись спиной на диван, и задумчиво разглядывал свои руки. Ему было что завтра записать в целительский журнал для Бяо. А еще надо было пересканировать магический спектр на разных частотах и провести углубленный анализ.

Лич-целитель? Возможно ли такое?

Глава 11. Игра и преступление

Уже после обеда был объявлен старт игры. Дамам раздали списки и объявили срок – до завтрашнего вечера. Завтра вечером состоится бал, открывающий череду праздничных мероприятий, и на нем огласят имя победительницы. Соответственно и приз вручат. Сжатые сроки были обусловлены тем, что все опасались за целостность замка. Вошедшие в азарт дамы во время поисков вполне могли разобрать его по кирпичикам, да и разрешение грабить соперниц при длительных сроках могло перерасти в масштабные битвы.

Абрахам был доволен, что удалось замять пропажу десертов во время обеда. Дамы были заняты поиском предметов по спискам, а мужчины не сочли это особо важным событием. Вместе со сладостями пропал один из поварят, и все закономерно решили, что он и виновен. Хотя кража пятнадцати килограммов разных десертов была донельзя нелепым поступком. Беспокоил советника и еще один момент: на работнике кухни была клятва служения, и за пределы замка он не выходил. Тем не менее домовые утверждали, что его нет ни в одном помещении замка.

Мария Спиридоновна и феи решили сами посмотреть, что случилось на кухне. Советник на вопросы ответил уклончиво и разговор не поддержал. Если бабушка Маша не особенно переживала об отсутствии сладкого на обеде, то крылатые

малявки были в ужасе.

– Как не будет сладкого? Совсем-совсем? А наша магия?

Феям сладкое было необходимо, оно помогало вырабатывать магию. А магия им была нужна, чтобы уберечь свое главное сокровище – семью!

– Ну пойдем попросим на кухне сахару, это тоже сладкое.

Вот под таким предлогом они решили навестить царство горшков и кастрюль и заодно узнать всё из первых уст.

Однако до кухни они дойти не успели. По ведущему к ней коридору летел призрак бывшего коменданта. Привидение громко выражало свои эмоции на русском простонародном, где из приличных слов были только междометия. И его можно было понять: в какую бы стену он ни пытался нырнуть, у него не получалось. То же происходило с потолком и полом. А за ним, как карающая Немезида с мечом, шел алхимик и при каждом финте призрака поводил за ним «жуком», зажатым в руке. Усы у «жука» шевелились, куб в другой руке начинал светиться, и привидение с громким «чпок» отлетало от ставшей непроницаемой преграды. Призрак матерился и летел вперед, пытаясь скрыться.

На Марью с компанией эти два игрока в догонялки не обратили внимания, как и на вжавшегося в стену зареванного поваренка. А вот Мария Спиридоновна его очень даже заметила.

– Что случилось? Тебя повар обидел? Поэтому ты не на кухне?

На паренька посыпался град вопросов.

В итоге удалось выяснить следующее.

После того как к обеду всё приготовили, кухонные работники ушли отдыхать до подготовки к ужину. На кухне остался только главный повар и его поварята. Повар магически переносил готовую еду на специальный стол, откуда ее уже переправляли в зал рядом с обеденным, чтобы затем подать к трапезе. Их собеседника перед подачей десертов отправили к холодильным ларям за мороженым, а когда он пришел, стол для готовых к отправке блюд был пуст. При этом стоявший рядом со столом главный повар смотрел на него неверящими выпученными глазами и твердил: «Где всё?.. Я ведь только на минутку… Где же всё?»

– Так вот, – вдохновленный наличием слушателей, рассказывал поваренок, – потом он увидел меня с мороженым и начал орать, куда я дел Зютека. Это второй поваренок, он ушан. Из-за того, что ему вечно что-то слышится, он очень рассеянный и отвлекается на «пойти посмотреть». Если бы не это, то уже стал бы помощником повара, он очень талантливый. А повар тогда алхимика в кухню не пускал, тот хотел всё проверить, ну вон то, что летело, синее и оручее, искал. Вот они пару минут ругались у двери. Повар сказал через час, когда всё закончится, заходить. Обернулся, а еды нет, и Зютека нет. Чистый стол. И я пришел, и синее это залетело, повар орать, алхимик ту штуку ловить…

– А мороженое? – Феек интересовало то сладкое, что не

исчезло.

– А его я обратно в ларь отнес. Там всего два килограмма было. А когда повар вернулся, оказалось, что Зютек пропал совсем. Он мне как брат был, – и парнишка снова зашмыгал носом, глотая слезы. – Вдруг он не найдется теперь, вдруг оно его съело?

– Кто?

– Ну то, что всё утащило.

Придя на кухню, они попробовали порасспрашивать еще и повара, но тот, считая неудавшийся обед своим личным провалом, разговаривать не захотел. Велел поваренку выдать им мороженое – нельзя же детям без сладкого – и закрылся в своем кабинете.

Эм задумчиво ковырял ложечкой кусок мороженого почти с него размером и вдруг предложил:

– А давайте мы это поймаем!

– Как? – пожала плечами Ниле, выколупывая из замерзшего десерта кусок шоколадной крошки.

– Пусть советник сам ловит, это может быть опасно. – Взрослый разум Марии Спиридоновны пробовал вразумить авантюристов. – Ведь пропала не только еда, но и поваренок.

Но Эм не унимался. Став феей, гррох в сладостях души не чаял, и одна мысль о том, что из-за воришки он лишился возможности попробовать столько разных кондитерских шедевров, вызывала у него желание найти этого паразита.

– Ну давайте не схватим, а просто устроим засаду и по-

смотрим, кто вор. Приманку положим. – Он облизнулся. – Сладкую! Мы маленькие, спрячемся в какой-нибудь шкафчик и будем подсматривать.

– А давайте! – Ниле тоже стало интересно. – Как это смогло так много унести?

– Да немажоська, наверное, у него, туда запросто влезет. – Бабушку Машу этот вопрос не интересовал. Интересовал другой: – Как и кто это сделал незаметно за пару минут и зачем прихватил поваренка?

В вину несчастного Зютека Марья не верила.

Все же шебутные феи бабулю уломали, видимо, в детском теле дух авантюризма был сильнее здравого смысла. Поваренок согласился помочь с приманкой и освободить маленький шкафчик напротив того самого стола. Шкафчик был крошечный, практически тумбочка, и Маша только-только туда помещалась, но все решили, что это самое удачное место. Никто не догадается, что там может кто-то сидеть, и в щелку неплотно прикрытой дверцы будет всё видно.

Вечером мелкая банда пробралась на кухню, Тимон с ними опять не пошел. После случая с Люсьером он решил, что лучше не оставлять Азалию одну в таком опасном месте, и всё время старался находиться поблизости от предмета своего воздыхания. Да и сокровищ в кухне не было, а в опасного монстра-сладкоежку он не верил.

Поваренок не подвел. В шкафчике, куда они должны были спрятаться, он оставил тарелку с пирожными для приман-

ки, но вот, не подумав, положил пирожные разных видов. И поэтому судьба приманки была решена безоговорочно. На столе, на заботливо подстеленной салфеточке, сиротливо лежало одинокое пирожное. Все остальные были безжалостно съедены на предмет проверки качества. Ведь все знают, что залог хорошей охоты – качественная приманка! А чтобы понять, насколько она качественная, ее надо проверить. Снимая пробу, наши любители сладкого так погрузились в процесс проверки… Еще бы – нежнейшие взбитые сливки, разнообразие вкуса кремов: шоколадный, малиновый, из иорки, сливочно-ванильный, карамельный.... Марья не все могла идентифицировать, но было божественно вкусно. А шоколадная глазурь и крошка! А карамель всех консистенций! А что-то похожее на халву, но не волокнистое! Разные орехи. Свежие ягоды и фрукты в сиропе. Бисквиты, песочные, заварные… Сладкоежки так увлеклись дегустацией, что чуть не забыли, с какой целью пришли! Только решая, кому достанется последнее лакомство, вспомнили, зачем они на кухне. В итоге сошлись на том, что и одно пирожное вполне себе приманка.

– Оно же сла-а-а-адкое… – Эм поглядывал на стол через крошечную оставленную щелку.

Компания утрамбовалась в шкафчик. Маше было не слишком удобно сидеть, прижав колени к груди руками, но по-другому там было не поместиться. Заботливый поваренок оставил небольшую подушечку, видимо, очень на них

надеялся. На подушечке было сидеть не так жестко. Феи с комфортом расположились на ее плечах, придерживаясь за волосы.

Ночь, тишина, говорить нельзя, чтобы не выдать себя. Полумрак помещения, где горит один маленький дежурный светильник, какие имелись по всему замку и автоматически включались на ночь во всех нежилых помещениях, кроме хранилищ. Осоловевшие от съеденного, наши храбрые детективы начали клевать носом.

Между тем в замке не спали высокородные леди. Главный приз им продемонстрировали во всей красе, и каждая мечтала, что он достанется именно ей. А когда объявили, что выигравшая дама получит на все праздники звание «Королева Морозных дней», то ажиотаж усилился в разы.

Помешанная на титулах различных мероприятий леди Кло, вцепившись в локоть мужа и жадно разглядывая парюру, твердила ему громким шепотом:

– Это буду я, дорогой. Только я!

Гровер же, зная стоимость приза, понимал, что лучше бы она действительно победила. Если финансы позволяли ему все-таки компенсировать жене проигрыш, купив не менее роскошные украшения, то титул… Его утрата – это как минимум испорченные праздники и два месяца «игры в прятки». За глаза среди знакомых леди уже давно получила титул «Королева мозгоклюек», но, слава создателю, она об этом не знала.

Леди Кло, как и все недалекие женщины, считала себя самой умной. В списке предметов было много вещей с незнакомыми ей названиями, и она сразу поняла, что это вещи для прислуги! Ведь она просто не могла не знать всё касающееся высшего общества! И как ни странно, она была почти права.

Надо было опередить конкуренток! К делу наша леди подошла творчески. Решила, что лучшее время для поиска – это ночь. Логично, она же думала, что все, кроме нее, спят. И еще надо замаскироваться! Вдруг кто-то хитрый все-таки не спит и выследит ее. Шансов конкуренткам она давать была не намерена!

Ярко-бордовый наряд заменило кисейное светло-бежевое платье, когда-то подаренное мужем. Леди его не любила, оно было такое блеклое. Она любила яркие наряды и считала, что у лорда ужасный вкус. И все знакомые с ней соглашались, правда глядя на саму леди и сочувствуя Гроверу. А это платье очень подходило к стенам замка, отделанного в коридорах светлыми панелями песочного цвета. Свое новомодное украшение из волос она расплела и сначала хотела накинуть на голову шаль, но ужаснулась своим же мыслям. Она же леди! Образец красоты и вкуса! В итоге, перемерив с десяток максимально скромных шляпок, она выбрала светлую с широкими полями и вуалеткой. Шляпа была украшена, казалось, целой цветочной клумбой, но по задумке леди в ней было хорошо прятаться за вазами, стоящими в нишах вдоль коридоров. Удовлетворенно оглядев себя в зеркало,

леди Кло вышла на охоту.

Дама была неприятно удивлена, что замок не спал. Прислуга завершала вечернюю уборку, по коридорам периодически проходил патруль стражи, и она даже видела пару раз мельком своих конкуренток. Одна, видимо не сильно умная, скрылась за дверью библиотеки, а вторая куда-то поднималась по лестнице.

«Что можно найти в таких нелепых местах? Кучу ненужных книг и явно спятившего алхимика в лаборатории, – думала леди Кло. – Прислуга явно хранит все свои вещи внизу, никто не разрешит держать такой хлам выше первого этажа. Каминные щипцы! Какая чушь! Зачем щипать камин?»

Что такое камин, леди, конечно, знала, но щипцы для камина… Точно какая-нибудь штука из арсенала источника и лежит где-то в кладовках! Надо только найти кладовки.

Пара дверей, попавшихся ей на пути, была заперта, но следующая, довольно солидная с виду, выглядела перспективно и даже была не закрыта до конца. По стечению обстоятельств это оказалась дверь кухни.

Леди помещение не понравилось: здесь имелась куча вещей непонятного назначения, и как найти нужные среди этого бедлама? А вот пирожное на столе ее зоркий взгляд увидел сразу. Приятно увидеть что-то знакомое и такое привлекательное на вид. Как и все маги, она любила сладкое. Ну и пусть слабая магичка, зато вкусности можно есть, не заботясь о фигуре. В кухне никого не было, и, значит, ничейный

десерт был, по ее мнению, законной добычей нашедшего.

Что такое крошечное пироженко для целой демонессы? На один укус. А вот пахло вкусно, и запах явно остался не от пирожного. Аромат становился сильнее, как будто рядом достали из печки свежую сдобную выпечку. Совершенно точно запах шел из-за двери рядом. Леди уже не сомневалась, что все слухи о пропажах вранье, просто от гостей прячут вкусности из жадности! В кабинете повара она сразу вычислила источник: жадины прятали всё в шкафу.

Рванув резные дверцы на себя, она в полумраке увидела что-то белое и огромные, светящиеся глаза, а перед ее носом мелькнуло нечто похожее на гигантскую ложку. У дамы сдали нервы. Раздался громкий визг, и она, подобрав юбки, пулей вылетела из кабинета. Ее испуганный взгляд уловил какое-то движение. Очередной шкаф распахивал дверцы, слегка светился, и оттуда что-то лезло. Оно пищало и бубнило на разные голоса. Истошные вопли мчавшейся по коридорам леди Кло, казалось, могли перебудить весь замок.

А это всего лишь в засаде очухались наши уснувшие детективы. Попытавшись выбраться из шкафчика, Мария Спиридоновна поняла, что застряла в нем, как Алиса в кроличьей норе. Но вот пузырька с надписью «Выпей меня» у нее в запасе не было. Коленки уже почти уперлись в верхнюю крышку, а фейки, как всегда перепачкавшись во время еды, прилипли и запутались в ее волосах. Пытаясь выпихнуть по очереди ноги и помочь руками, Марья ругалась себе под нос,

феи, копошась в волосах, пищали и, казалось, запутывались еще больше. Пыльца летела с крыльев и светилась. Марье казалось, что сейчас она вымахает и станет как дядя Степа из книжки Маршака. Паника подгоняла, и они наконец-то вывалились из шкафа-ловушки, все в светящейся пыльце, а Марья еще и с ободранными локтями и коленками. Хорошо хоть, фейкам удалось отлепиться от ее головы, хоть и с парой приставших к ним волосков.

Звуки криков еще были слышны, и компания рванула за сбежавшим от засады существом. Но, выскочив из кухни и пробежав несколько коридоров, поняли, что понятия не имеют, куда бежать.

– Ну вот, не поймали! – расстроился Эм.

– А кого? Кто там убегал-то? – Ниле надеялась, что тот хоть что-нибудь рассмотрел.

– Да никого не поймали. Там что-то светлое мелькнуло, больше ничего не успел разглядеть.

– Хорошо хоть, вылезли. – Марья, разглядывая удлинившиеся руки и ноги, болезненно морщилась, содранные коленки саднило.

Поняв, что сегодня они уже ничего не смогут узнать, решили пойти досыпать к себе в комнаты. Перед сном Марья, конечно, посмотрела в зеркало. Зеркало отразило подростка, угловатую и нескладную фигуру лет двенадцати.

«Как хорошо, что я всегда была маленького роста, – думала Марья, засыпая. – Если бы я росла как современные

дети, из того шкафа меня пришлось бы вытаскивать бригаде спасателей».

Леди Кло во время своего забега до комнаты умудрилась наткнуться на патруль стражи. Вцепившись в оказавшегося первым стражника, она истерично потребовала спасти ее от монстра из кухни, который точно хотел ее сожрать и даже примеривался огромной ложкой! Стражники покивали и посоветовали леди идти в свою комнату под защиту мужа, а уж они-то во всем разберутся.

Идя по замку в сторону кухни, патруль, посмеиваясь, строил предположения о том, зачем леди туда ходила и что там делала.

На кухне, на самой верхней полочке почти под потолком, сидели две белые, словно обсыпанные мукой, фигурки.

– Хорошо побегла, шустрая, – одобрительно проворчал один, откусывая кусок от зефира почти с него размером.

– А эти долго вылазили, шебутные, – покивал второй, откусывая от зефирки с другой стороны.

– Сейчас, наверное, набегут, суетно будет, шумно.

– Ой, шумно.

– А мы встретим. – Довольный идеей первый показал пальцем куда-то вниз.

– Ой, встретим. Хорошо будет, тихо.

Глава 12. Новое – это хорошо забытое старое

Мария Спиридоновна просыпалась с трудом. После ночного приключения, застревания в шкафчике, стремительного роста и забега по замку ломило всё тело. Но, как оказалось, сюрпризы на этом не заканчивались.

– Ох, девка, чего ж ты бедовая такая? – ворчливый тон кикиморы нельзя было спутать ни с кем.

– Дети так быстро растут, – явно голос леди Серины.

И мужской баритон, от которого Марья моментом распахнула глаза.

– Нужны анализы. Надо понять, что спровоцировало рост. Слишком быстро! Организм может не справиться без помощи, – в тоне целителя Бяо явно прослеживалось волнение.

– Я что, заболела? – Марья испуганно посмотрела на фрогона.

– Нет, просто выросли слишком быстро. Причем, судя по рассказу ваших внуков, еще и в два этапа. По человеческим меркам вам сейчас пятнадцать-шестнадцать лет. Рост и так очень стремительный, а тут еще с гормональной перестройкой.

Мария Спиридоновна покраснела. Она, конечно, поняла, о чем говорил Бяо, и прекрасно вспомнила, какими забыты-

ми ощущениями ей это грозит, но обсуждать это с мужчиной, хоть и целителем, не хотела абсолютно.

– Давай уже, бери свои анализы и дуй в лабораторию, – резковато посоветовала фрогону кикимора, заметив неловкость Марьи. – Мы тут с девочками сами разберемся. Если что, покличем тебя. Ну и результаты нужны поскорее.

Целитель проделал уже знакомые Марье манипуляции и ушел. Манефа еще раз критически оглядела лежащую на постели Марию Спиридоновну и забавно пошевелила носом, бородавка в виде грибочка смешно задергалась в такт. Потом потрогала распушившуюся по подушке прядь волос и удовлетворенно хмыкнула.

– Я без ихних анализов скажу, из-за чего с тобой такое приключилось. – Она сурово сдвинула кустистые брови и уперла руки в боки. – Ты зачем на ночь столько сладкого наелась, горюшко наше?!

Хотя Манефа имела суровый вид, но в ее глазах искрились смешинки, а Марья снова ощутила стремительно наливающиеся жаром щеки.

– Вот и наказание тебе тут во всей красе. – Коготок кикиморы показал на нос и лоб.

Мария Спиридоновна стала выбираться из постели. Когда речь идет о чем-то явно несимпатичном на лице, то удержать женщину от попыток глянуть в зеркало не сможет даже конец света.

О-о-о! Там, конечно, были они! Подростковые прыщи!

Прекрасные образцы, во всей красе! Не мелкие незначительные красненькие высыпания, а два полноценных бугра ядовито-красного цвета, еще не созревшие и вольготно расположившиеся на носу и лбу.

А ведь вечером планировался бал, начинающий череду праздничных мероприятий!

А тут еще прибежала Азалия с Тимоном. Тимон, правда, был тут же выдворен дамами за дверь и отправлен в сопровождении Эма узнавать новости.

Азалия моментально оценила рост, фигуру, волосы и недостатки. К недостаткам она причислила не только вскочившие прыщи, но и отсутствие талии на фоне хоть и появившейся, но сравнительно небольшой груди. Всё это она мимоходом отмечала спокойным голосом, нарезая круги вокруг Марьи и внимательно ее разглядывая. Заметив побежавшие по лицу девушки дорожки слез, она всплеснула руками:

– Марья, ну чего ты как маленькая?! Тебе же не взаправду столько лет, и уж явно я не с целью обидеть тебя это озвучиваю!

– Во-во, – поддержала дриаду кикимора. – У Азальки этой хруди вообще не наблюдается практически, несмотря на возраст, и ничего! У женщины главное – мозг!

– Или его отсутствие, – захихикала леди Серина.

А Азалия уже вынимала из пространственного кармана, заменявшего магам немажоську, пакеты и пакетики. Серина

ставила на столик баночки, клала щеточки, щипчики, расчески и остальные мелочи для наведения красоты, а кикимора достала из складок юбки небольшой глиняный горшок. Горшок был накрыт промасленной бумагой и заботливо перемотан веревочкой. В спальне сразу запахло травами. Ниле летала между дамами и всё пыталась рассмотреть и пощупать.

Азалия вытряхнула из одного пакета ворох разноцветных трусиков, которые красивой радугой пастельных тонов разлеглись на кровати.

– Это на вырост и для комфорта, когда понадобится. Ну, ты понимаешь. – Она обозначила всё жестами и мимикой.

Марья понимала и жутко смущалась, вот уж не думала она, что снова придется с этим столкнуться.

– А куда, ну…

Вопрос прекрасно поняли. Азалия взяла со столика пузырек с каким-то то ли кремом, то ли маслом и вытрясла из него часть содержимого на белье для демонстрации. Всё, что касалось ткани, просто исчезало, не оставляя следов.

– Ого! В том мире за это белье женщины бы душу продали! – Марья была под впечатлением от способа решения деликатной проблемы.

Азалия гордо задрала нос и сообщила, что это ее личная разработка, правда, патенты куплены для производства всеми заинтересованными лицами. Изобретению уже лет сто.

Манефа же развязывала веревочку на горшке.

– И супостатов этих, – она кивнула на прыщи, – щас изведем, ишь, расположились, захватили территорию, оккупанты! Ты, Марья, со сладким будь аккуратнее, на нем же магия работает.

– Да, мне Рорх рассказывал, что магический обмен веществ на глюкозе завязан. Поэтому у магов нет лишнего веса.

– Вот, девонька, ты хоть и не маг, а мутаген-то в крови – с магической составляющей. – Кикимора наконец размотала веревочку. – Да и феи в родстве, хоть и принятом, даром не проходят!

В итоге перед завтраком, который в замке подавался поздно, Марья подверглась всем мыслимым и немыслимым процедурам, которые сочли нужными три тиранши в лице милых подруг. И болотного цвета масочка от прыщей, склизкая и пузырящаяся, была не самой из них неприятной. Она хоть не воняла, в отличие от средства для депиляции. Абсолютно безболезненного, но при реакции с волосами испускающего просто невыносимую вонь до исчезновения волос. А про корсет, в который ее пытались утянуть, была отдельная история, с убеганиями и прятаниями ото всех в ванне и под кроватью.

Впрочем, с корсетом дамы временно отстали, но на бал потребовали его надеть в обязательном порядке. Там надо танцевать, а не есть! Корсет же, помимо коррекции талии, помогал держать осанку.

После всех манипуляций зеркало отразило плотненькую миловидную девушку со светлыми волосами и голубыми глазами. Платье тоже было голубым, с неглубоким круглым вырезом, украшенным отложным воротничком из кружева серебристого цвета. Узкий рукав в три четверти тоже украшало кружево; широкое и присобранное у рукава, оно пышно разлеталось книзу. Марья недовольно подергала кружевной край.

– Очень красиво, и руки выглядят изящно, – прощебетала довольная леди Серина.

– Ага, – буркнула Марья, представляя, как за завтраком вся эта красота при попытке взять вкусностей со стола лезет в чай, варенье и тарелки с едой. Выглядеть хрюшкой не хотелось, но и остаться голодной тоже. Внезапно выросший организм требовал калорий.

– Я всё подам, я буду рядом. – Ниле, кружась вокруг Марьи, просто лучилась оптимизмом. Она моментально поняла ее затруднения, ведь фейки-сластены постоянно пачкались при еде.

– О создатель! – Руки Азалии опять вторили ее словам, рождая вихри из завязочек и браслетиков, нацепленных на запястья. – И поэтому такая недовольная мина? Тебе платье-то нравится само по себе?

Марья осмотрела себя еще раз. Талию хотелось бы потоньше, но от корсета сама отказалась. Само платье легкое, сидит прекрасно.

– Нравится.

Дриада что-то проделала около рукавов.

– Возьми что-нибудь со стола.

Марья потянулась за расческой, рискуя сбить кружевом манжет стоящие в ряд пузырьки. Манжета прижалась к руке как приклеенная. Она убрала руку с уже зажатой расческой, и манжета послушно расправилась и заколыхалась пышным воланом.

Девочки были готовы к завтраку.

Мужчины в замке вставали рано, на рассвете. Демоны гордились дисциплиной и возможностью всегда поддерживать себя в хорошей форме, поэтому ранний подъем и утренняя тренировка входили в перечень обязательных процедур высоких лордов. Поэтому о чудищах, напавших в кухне на леди Кло, советник узнал от Гровера на тренировке. Возможно, мужчины бы просто посмеялись и потом разошлись, но прибежал начальник патрульной службы замка и сообщил, что два его подчиненных пропали.

– Что значит «пропали»?

– Они патрулировали коридоры на первом этаже и утром не пришли сдавать смену.

– Вы их искали?

– Нет. По инструкции сначала надо доложить! Я докладываю.

Эхом разнесшиеся по замку вопли заставили всех замереть. Казалось, где-то бушевала орда троллей-дикарей, вы-

шедших на тропу войны. И эти вопли явно доносились со стороны кухни! Где, по словам Гровера, ночью чудовище пыталось съесть его жену.

Переглянувшись, лорды рванули на звуки. Короткий слаженный забег тренированных демонов, распахнутая дверь кухни – и «картина маслом».

Посреди кухни, как полководец на поле битвы, с огромным половником в руке стоял главный повар и орал. Красный, с выпученными глазами, он колотил поварешкой по столу, заваленному бутылками и почему-то сладким, хотя было видно, что постучать ему хотелось совсем не по предмету мебели. На стульях, абсолютно не реагируя на вопли разъяренного повара, громко храпели потерявшиеся стражники. Амбре, висящее в воздухе, и пустые бутылки не оставляли места воображению, всё и так было ясно.

– В карцер, там проспятся. Потом допросим, откуда они всё это взяли. – Из воплей психующего повара Абрахам понял только одно: на кухне кто-то готовил. Всего этого не было вчера и быть не могло.

Он взял одну из пустых бутылок. Старинная, со странными символами около горлышка. Что-то из далекого детства всплывало в памяти, что-то связанное со сладким и вином, но вспомнить он никак не мог.

Повару было велено организовать уборку и готовить завтрак, кухонные рабочие во время этого представления робко скучковались в углу помещения. Стражников унесли, и тут

выяснилось еще одно обстоятельство: пропал второй поваренок!

Пока продолжалась эта суета с завтраком и поисками, проснулись дамы. В столовой настал звездный час леди Кло! С потрясающим артистизмом, живейшей мимикой и заламыванием рук она в красках поведала собравшимся дамам, как во время попытки выполнить задания игры ее чуть не съели жуткие монстры из кухни.

– Они прятались во всех шкафах! Лезли оттуда и тянули ко мне свои отвратительные лапы! А у главаря была гигантская ложка! Я бежала по коридору, думая, что это мой смертный час, и слышала их рычание и чавканье за спиной, – со слезами в голосе рассказывала она.

Марья, прекрасно зная, кто вылезал по крайней мере из одного шкафа, не сдержавшись, фыркнула.

Леди окинула ее презрительным взглядом. Эта резко выросшая девица явно не знала ничего про хорошие манеры!

– Вы продолжайте, продолжайте, – покивала Марья головой, поощряя рассказчицу, – пули свистели над головой…

Впрочем, вошедшие мужчины принесли новости. И хотя что-то стало понятно, но загадок было явно больше. Марию Спиридоновну очень беспокоил второй пропавший поваренок. И ведь леди Кло испугалась явно не их, визжать она начала раньше и еще видела глаза и гигантскую ложку. Где?

После осторожных расспросов с поддержкой всех присутствующих удалось выяснить, что главное чудовище живет в

кабинете при кухне. Что делала леди ночью в святая святых главного повара, осталось без ответа.

– Как можно задавать даме такие вопросы? – Леди оскорбленно отвернулась и замолчала.

В лаборатории алхимика кипела работа. Бяо проверял анализы, сверял в спектрометре магограммные слепки и выводил в журнале какие-то формулы. Сам алхимик ковырялся в приборах, пытаясь сделать что-то, что сможет ухватить призрака на расстоянии хотя бы пары метров. За ним с интересом наблюдали Тимон и Эм.

– Мне бы только придумать, как схватить! – В отчаянии от невозможности изучить живую и говорящую субстанцию алхимик чуть не разбил, случайно задев, коробку со стеклянными колбами. Тимон, поймав падающий ящик, задумался, смотря на колбы. Достаточно пообщавшись с Марией Спиридоновной и имея немалый собственный жизненный опыт, он вдруг озвучил пришедшую в голову идею:

– А зачем вы ловите, бегаете по всему замку? Поставьте ловушку с приманкой.

– А вы знаете, на что ловятся такие штуки? – Алхимик разволновался не на шутку и от азарта аж заплясал на месте.

Тимон, конечно, знал – да любой студент знал, на что можно поймать бывшего коменданта. Но он не был бы Тимоном, если бы не решил поторговаться.

– Я помогу вам, а вы мне. Заодно проведете новый эксперимент!

«Новый эксперимент» звучало как предложение ребенку мешка с конфетами.

– Какой?

– Мне надо стать большим и живым.

Алхимик удивленно разглядывал маленького крылатого скелетика.

– Помилуйте, я, может, и гений, – он гордо приосанился, – но не создатель.

Впрочем, сбить Тимона с намеченного пути было непросто.

– Первое, – начал он загибать пальцы, – я дух, привязанный к скелету, второе – меня приняли в семью фей, третье – всё сделано при помощи артефакта на основе крови принявших зелье с вашим мутагеном, как изменившихся, так и еще не успевших, а главное, – он сделал эффектную паузу, видя, как в предвкушении загораются глаза алхимика, – у меня есть кусок шкуры грроха.

И, заметив удивленный взгляд целителя Бяо, пояснил:

– Ну, достался кусочек по случаю… – и показал за спиной кулак Эму, который не удержал смешка. Фей прекрасно знал, что кусок на спор утащил у Рорха пустошник, а Лисовские, не найдя ему применения, отдали его Тимону за какую-то нужную им информацию.

– Согласен! – Потирающий руки алхимик жадным взглядом еще раз осмотрел фронт работ. – Не знаю, что из тебя получится, но рост и как минимум что-то похожее на живое

тело обещаю. Но про приманку информация сейчас! На что ловятся эти призраки?

– За всех не скажу, но конкретно наш ловится на спиртное! Только вот пить он его не может. Сделаете спиртное, которое он сможет пить, и можете изучать, сколько хотите.

Адское пламя в глазах алхимика просто заполыхало.

Петр Егорович, медитируя в любимом погребе на бочонок с вином, зябко поежился от нехорошего предчувствия.

Глава 13. Три, четыре, пять – мы идем искать

После завтрака Марью утащили Лейла и Миранда. Конечно, Лейла не перестала быть высокомерной воображалой, но мозги у нее, видимо, активировались под действием вонючих эмоций. Зачем унижать кого-то, если можно его использовать! И совсем не обязательно пытаться притворяться. Если тебе приносят пользу, то, конечно, ты относишься хорошо, а в случае Лейлы – и пахнешь соответственно.

Девушка сочла, что Мария Спиридоновна очень полезна, а еще ее считают ровней родители. Соответственно она имеет право на хорошее отношение, то же касалось и Миранды. Тем более сейчас к Миранде был свой интерес: Лейла хотела участвовать в игре, а Миранда много знала про всякие вещи, ей неизвестные. И вопрос, который девочки Марье озвучили, был:

– А если мы будем искать вместе, это не будет нарушением правил?

– Нет, конечно. Но приз один, и титул тоже получит только одна из вас. Поэтому надо всё обсудить заранее. Помощь нельзя просить у не участвующих в игре, но если вы команда, то вам можно помогать друг другу.

Лейла довольно улыбнулась.

– Прекрасно! Титул мне ни к чему, свой имеется, и он постоянный, а не временный. Приз я хочу! Я часто бываю приглашена на очень торжественные и шикарные мероприятия, там даже королевские особы из других государств присутствуют.

– А мне бы маме хотелось сережки подарить, та корона ей совсем ни к чему, да и мне не нужна. – Миранда задумалась.

Титул – это приятно, конечно, но обычно подарки покупал отец от всей семьи, потом братья пошли работать и тоже стали покупать, а она не могла это себе позволить. А тут есть шанс выиграть, но без Лейлы, которая всё в замке знает, он невелик.

– Парюру разбивать на отдельные украшения глупо, – в этом вопросе Лейла была категорична, – но у меня есть другое предложение. Я потому и позвала Марию Спиридоновну, а не только чтобы правила уточнить. У вас ведь есть каталог этих ювелиров? Я получаю парюру, а Миранде покупаю серьги и что-нибудь еще, что понравится, на треть от стоимости приза.

– Почему на треть? – удивилась Марья.

– Ну титул тоже имеет значение; в отличие от меня, его многие добиваются. Поэтому треть – это справедливо.

– А я согласна. – Миранда пожала плечами. – Мне главное, чтобы красиво и маме подходило, чтобы она носить смогла. Очень дорогое нам дома и надеть некуда будет.

– Ну, девочки, раз вас всё устраивает, то объединяйтесь и

ищите. Главное, найденное прячьте получше, чтобы конкурентки не утащили. А каталог приходите посмотреть, подберем что-нибудь.

Ниле в это время летала по замку и искала Эма. Тимону завтрак был неинтересен, но братец-сладкоежка не мог его пропустить без причины. А еще не давали покоя вкусняшки, найденные на кухне, которые стража проигнорировала. Ей удалось обнаружить и разговорить мелкого домовенка, тот фей ни разу не видел и, засмотревшись, не спрятался вовремя.

К алхимику она влетела, переполненная любопытством. Эм сидел на столе между пробирками и азартно участвовал в преображении Тимона.

– А крылья надо большие и красивые, как у бабочек, чтобы точно ей понравилось!

– А я думаю, мне бы не помешала боевая ипостась! Вокруг нее всё время крутятся какие-то соблазнители! Надо выглядеть грозно и внушительно! – Тимон был полон решимости даже в бою завоевывать свою даму сердца.

– А еще тебе надо волосы мягкие и красивые, – Ниле просто не смогла смолчать и не вставить свое слово. – Девушкам нравятся красивые волосы, но не слишком длинные.

Фрогон с алхимиком переглянулись. Бяо пощупал косичку на лысой макушке, а алхимик, запустив пятерню в волосы, понял, что рука там к чему-то прилипает. Выдернув пальцы из шевелюры, он с сомнением оглядел зеленоватые разводы

на коже.

– Забыл смыть мыло? Но мыло не липкое. Может, делал новый шампунь? Запах странный.

Потом он вспомнил, что, пробегая за призраком мимо чьих-то комнат, слышал ругань, а затем в него даже что-то кинули. В азарте погони не обратил на это внимания.

– Надо взять на анализ! Потрясающая липкость! Может, пригодится в разработках.

– Эй, уважаемый! – Тимон был недоволен задержкой и игнором его персоны.

Он висел в сфере, обтекаемый потоками разных жидкостей, магия струилась и направлялась странными изогнутыми штуками, а маленькие вихри из фейской пыльцы, повинуясь пальцам невидимого кукловода, казалось, собирали его как конструктор.

Ниле с интересом разглядывала то, что получалось. Видимо, сейчас создавалась боевая трансформация. Тело, руки и ноги покрывали щитки. Кое-где даже с шипами. На руках и ногах оставили приличные когти, а на голове зачем-то прорезались усики-антенки. Лицо, заменившее зубастый череп грызуна, было вполне симпатичным, но вот глаза оказались совсем без белков. А когда Тимон улыбался, было заметно, что зубки у него довольно острые и два центральных резца сверху немного длиннее остальных. Волосы тоже добавили, как и крылья. Впрочем, крылья хоть и обрели цвет и форму как у бабочек, но по-прежнему оставались призрачными.

Ростом бывший скелетик с Азалией не сравнялся, но явно был ей уже выше плеча, а не по колено, как раньше.

– Я к балу такой красавец буду! – Тимон горел энтузиазмом. – Да там все дамы от меня без ума будут! И она поймет и оценит. Я же лучше всех. У них нет таких крыльев, и боевая ипостась у меня гораздо эффектнее! Никто не устоит!

Ниле уже откровенно захихикала от этого приступа Тимонского самолюбования. И это при том, что он даже не видел себя в зеркале. Вдруг его разглагольствования прервал звук, от которого Тимон испуганно вздрогнул, а фейки просто покатились со смеху.

– Это что? Я зачем так делаю? Переделайте это, я не хочу, чтобы из меня это рычало! Ты мне кого в живот запихнул, хросского бабрюка? Вынь немедленно!

Феи уже в изнеможении валялись на столе.

Алхимик удивленно смотрел на недовольного Тимона.

– Какой бабрюк? Ты живым хотел быть? Вот!

– Да я от живых таких звуков не слышал ни разу!

– Да ну?! – Эм сквозь хохот смог вставить пару слов. – А если вспомнить Винни?

– Так тот вечно жрать хотел! И… – Тут его живот издал особенно пронзительную трель, и до Тимона дошло!

– Так и я теперь всё время буду хотеть есть?!

– Не только есть, – улыбнулся целитель Бяо. – Живой организм имеет множество потребностей. Сон, жажда, иногда болеет, испытывает жару и холод…

– Чем же я раньше думал?! Как же всё было беспроблемно! – Тимон был просто убит свалившимся на него «счастьем».

– Зато Азалия оценит! – пыталась ободрить его Ниле.

– Точно! Я же теперь красавец! И такие жертвы ради нее! Женщины ведь любят, когда ради них? – Он вопросительно посмотрел на Ниле.

Фейка не считала себя экспертом в этом вопросе, но согласно покивала головой.

– Еще что-нибудь будем переделывать? – ворчливо уточнил алхимик. – У меня еще столько не изучено и не пойман этот ваш…

– Нет-нет. А то мало ли что еще придется делать, кроме есть и спать. Я ведь шикарен? – Эго Тимона и так было немаленьким, а с преображением вознеслось до небес.

– Ты смотри, – задумчиво посмотрел на него фрогон. – Тут Кронова уже по всему замку ловят с целью женить. Как бы и ты, такой беспечный, не вляпался.

Но разве могло что-то смутить Тимона, кроме бурчания голодного желудка, которым он обзавелся?

– А у меня бабушка есть! Она с ними разберется. – Он был свято уверен, что упоминание Марии Спиридоновны решает все проблемы. – Я есть хочу, пошли на кухню, может, там что-нибудь дадут.

Пока компания добиралась, Тимон думал, чем бы еще поразить любимую женщину.

– Может, я теперь всё же смогу магичить? Вот бы она удивилась. Надо попробовать.

Он так задумался, что не замечал взглядов дам, с удивлением его разглядывавших. Возможно, это опять вскружило бы ему голову, ведь он теперь был как минимум весьма экзотичен и по-своему хорош собой.

Нервный повар с радостью отдал им на съедение неизвестно откуда взявшиеся сладости и, наказав закрыть за собой двери кухни, ушел заказывать кончающиеся продукты и согласовывать меню и оформление блюд.

Наевшиеся и довольные, они собирались уходить. На столе на блюде оставалось еще приличное количество конфет и пирожных. Даже голодный Тимон не смог вместить в себя всё, что было, хотя и очень старался, наслаждаясь вкусом и ощущением сытости.

Фейки полетели к дверям, а Тимон, в надежде сотворить что-то магическое, тряхнул крыльями, с удовольствием наблюдая за кружением пыльцы. Пыльца была незаметная, искристая и почти прозрачная, впрочем, какая же еще может быть с призрачных крыльев? Но, не увидев результата, он двинулся за феями, разочарованно вздыхая: пыльца наконец-то есть, а магии нет. Печалька. Дверь закрыли, и в кухне на первый взгляд стало пусто.

– Мы, значит, делали, а те большие не ели! Пили и не ели!

– Ох, пили! И совсем не ели! – Выглядывая из-за кастрюльки, парочка крошечных приятелей рассматривала

остатки на столе.

– А эти ели! Маленькие ели, и большой с крыльями, – поделился наблюдениями первый, отгрызая кусок от шоколадной плитки.

– Ага, ели. И маленькие тоже с крыльями, – поддакнул второй, соглашаясь и кусая шоколадку с другой стороны.

– Большой пыли натряс в еду! Плохо. Мы старались, они ели. Зачем натряс? Не будем угощать, заберем!

– Ух, заберем! И не сделаем больше! Ага.

И две крошечные, размером со столовую ложку, словно присыпанные мукой фигурки, спрятав надкусанную шоколадку за кастрюлю, пошли забирать всё с тарелки.

Второй, вечно поддакивающий, был, видимо, торопыгой и, первым подскочив к блюду, схватил лежащее сбоку пирожное с намерением упрятать в мешочек, который уже разворачивал первый. Но не тут-то было! Горка разных сладостей вдруг зашевелилась и потянула пироженко обратно. Первый, будучи более осторожным, отпрыгнул, а второй, не поняв, потянул десерт к себе. Куча взбесившегося лакомства, недовольная, что от нее отрывают детали, обняла конфетными лапками второго. Мелкий, оказавшись в сладкой западне, заверещал:

– Ой, что же я застрял! Схватило меня оно. Мы его делали, а оно бешеное! Оно меня съест али надкусить хотит? Помогай, выручай!!! Ой-ёй-ёй!

Первый схватил вилку и кинулся на помощь, в другой ру-

ке держа мешок.

– Отдай его, куча сладкая! Не ты нас ешь, это не должно так быть! Тебя делали, чтобы есть и радоваться. А ты злая, его зачем хапнула?!

Он вонзил вилку в одну из конфетных лапок и замахал мешком.

– Кыш, шоколадная твоя душа, ореховые глазки! Залазь в мешок, кому говорю, монстра упрямая в глазури!

Куча, не собираясь сдаваться, стала засыпать пойманного второго, чтобы не мешался, и отказывалась распадаться на составляющие, чтобы оказаться в мешке. При этом в шелесте фантиков, постукивании орешков и потрескивании вафель явно слышалось бурчание, похожее на недовольство и претензии. Вилка застряла, и первый, подхватив чайную ложечку, прицелился в пирожное, крича при этом:

– Кусай его! Ход грызи на свободу! Мы его разгрызем и развалим, а потом покладем в мешок!

– Ой, прогры… тьфу! Оно мне фантики в рот толкает, тьфу… клац.

Это зубы второго сомкнулись на вилке, которую ему подпихнула конфетно-пирожная монстряшка.

– Ах ты неблагодарная, сладкая захватчица! Вот мы тебя…

В это время, оглядываясь в поисках, чем же напугать горку оживших десертов, он встретился взглядом с удивленными глазами Марии Спиридоновны и на автомате продолжил:

– Вон той большой скормим, она точно такое ест! Я знаю! И всю тебя съест, отпускай его, говорю!

Марья забежала на кухню в поисках фей. Она уже успела побывать у алхимика, которому было страшно некогда, и он только и мог сказать, что обе феи ушли с Тимоном. Пробегая по коридору, увидела главного повара с недовольным управляющим, которые спорили из-за оформления какого-то салата, не гармонировавшего с концепцией украшения зала. Повар сказал, что на кухне ее феи и большой парень с крыльями. В компанию какого парня попали внучата, Марья не поняла, Тимон был небольшим и на парня точно не тянул, будучи скелетом. А вдруг это существо опасно, да еще и возле еды?

И вот, влетев на кухню, она не обнаружила никого с крыльями, зато увидела странное существо, маленькое и мучнистое. Малыш пытался отковырять чайной ложкой из кучи конфет и пирожных такого же мелкого с вилкой во рту, наполовину закопанного. Куча шевелилась, а «воин» с ложкой, увидев ее, стал угрожать конфетам отдать их ей на съедение!

– А ты что, громадина, глаза выпучила?! Помогай, спасай, раз пришла! Оно его, видишь, наверное, съест! Что стоишь?! Ешь его уже сама!

Вот наглец, Марьей так ни в жизнь не командовали. Но, приглядевшись, она поняла, что куча шевелится не просто так. А раз здесь ожившее неживое, значит, начудили ее феи! Надо выручать и расспросить. Может, они что знают.

Ловкие пальчики моментально разобрали сопротивляющуюся кучу конфет и пирожных, а рисунки на руках, видимо активировавшись от волнения или мыслей, засветились и нейтрализовали нафеяченное.

Изо рта второго малыша вынули вилку, и Марья осторожно спросила:

– А вы, вообще-то, кто?

– Так кухонные мы, мимикры. Темнота-а-а-а.

– Ой, темнота какая.

– А откуда вы взялись? Я вас раньше не видела и не слышала про вас.

– Точно, темнота. – Первый, размахивая ложечкой, важно начал объяснять: – Из шкапчика мы.

– Ага, точно оттуда. Шкапчик красивый наш, домик родненький.

Не рискуя перебивать занятную парочку, Марья приготовилась слушать.

– Мы еду готовим. Сладости готовим и вино делаем. Кухонные мы. Шкаф на кухне – и мы там.

– Ага. Готовим, и все едят и хвалят. А сейчас не так совсем. Ох.

– Спали мы, силы не было. Шкапчик-то не в кухне был, уволок кто-то с кухни. А мы и спали.

– Ой-ой. Зачем утащили с кухни? Спали, и силы ушли, совсем почти ушли.

– А потом чуем – опять кухня, а сил-то нету совсем. И

вдруг пронеслось что-то насквозь, нас как разбудило, и мы пошли силы искать.

– Ох, еле шли. Нашли силы, много-много, цельный стол. Ну и в мешок всё ложить. А тама ушастый, ой-ой, и глазастый такой был…

– Тама нас заметил такой ухатый с большой поварешкой, ну мы его тоже взяли. Вместе-то кушать веселее, и новости опять же ж.

– Ага. Новости всякие, еда вкусная. Ох, сил набрались и благодарить-кормить хотели. Тот ухан сказал, что его крадуном из-за нас назвали. Надо вернуть все, сказал.

– Мы же сил-то ого-го – и готовить! И ухана учить, он хотел.

– Ой, хотел, хотел! И сахар надо было, мы пошли, пошли. Ухан остался, мы пошли.

– Где остался? – Марья не выдержала. Она уже поняла, что эти смешные малыши и были невольными воришками, а тот ухан, видимо, пропавший Зютек.

– Так в дому, в шкапчике. Там же варилося и пеклося, нельзя без присмотру.

– А прибежала большая, рыскала везде, и пироженку съела, и пошла, и кричала, кричала.

– Ой, орала громко. Тот ухан сказал, она в шкапчик лезла, он испугался и поварешкой закрылся, а она ого как орать и бежать.

– А там лезли мелкие с крыльями и ты, большая, только

маленькая. И тоже бежали.

– Так громко было. Хотели тихо, когда вкусно – тихо и все рады.

– И мы всё сделали, а те пришли и только пили, не ели.

– Ой, не ели. Пили, пили и громко и брякали, и пили.

– А пришел большой маленький, напугался и прятался. Эти потом храпели, а он плакал, и нам жалко, и ухан пришёл. Мы его в гости забрали, он тоже учиться хотел. Мы учим.

– Учим, учим.

– А за еду нет благодарности. Вернули всё и кормили. А все кричат и бегают.

– Ой, нету, совсем-совсем.

– Так про вас никто не знает. Сами говорите, вы спали, а теперь никто про вас не помнит, видимо. Надо вас со всеми заново знакомить и поварят возвращать. Скоро праздник, и вы поможете, а вас будут благодарить. И есть будут, все-все! Как вас зовут? – Марье было любопытно, ей эти два товарища напоминали гномиков из чехословацкого мультика времен СССР.

– Так нас звать не надо, мы завсегда тут.

– Завсегда – это тут, и всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.